

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

4

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

4

Материалы

II Всероссийского съезда востоковедов

Казань, 18 – 22 октября 1999 г.

**Москва
2000**

ББК 63.2; 22.18
Б45

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев,
Р.Б. Рыбаков (председатель), И.М. Стеблин-
Каменский, А.А. Столяров (секретарь),
М.А. Усманов

Компьютерная верстка и оригинал-макет: А.А. Столяров

Б45 Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 4: Материалы II
Всероссийского съезда востоковедов (Казань, 18-22 октября 1999
г.) — М.: Институт востоковедения РАН, 2000. — 141 с.

ISBN 5-89282-110-2

В четвертом выпуске “Бюллетеня” Общества востоковедов РАН публикуются материалы, представленные на заседаниях II Всероссийского съезда востоковедов, который проходил в Казани с 18 по 22 октября 1999 г. Издание “Бюллетеня” осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований

ББК 63.2; 22.18
Б45

ISBN 5-89282-110-2

© Институт востоковедения РАН, 2000
© А.А. Столяров, 2000

Содержание

От редколлегии	5
Торжественное заседание	
И.С. Иванов, Министр иностранных дел РФ Участникам Второго Всероссийского съезда востоковедов .	6
Выступление Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева	8
Приветственная телеграмма Президента Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинова	12
Ю.М. Осипов, академик, Президент Российской Академии наук Участникам 2 Всероссийского съезда востоковедов	13
Выступление почетного Президента Общества востоковедов РАН академика Е.М. Примакова	14
Выступление Президента Академии наук Республики Татарстан академика Х.М. Хасанова	17
Выступление академика В.С. Мясникова	20
Р.Б. Рыбаков Востоковедение – элита гуманитарной отечественной науки	21

Доклады участников

Л.Б. Алаев О некоторых негативных тенденциях современного востоковедения	40
П.Э. Алексеева Питомцы Казанской учительской семинарии из Калмыкии	43
Р.М. Валеев О некоторых итогах и перспективах изучения истории российского востоковедения	56
А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Ю.С. Худяков, С.А. Комиссаров Изучение археологии и истории Восточного Туркестана в Новосибирском научном центре (Библиографический обзор)	60
Р.Г. Ланда Россия и ислам: взаимодействие культур.	73
С.В. Прожогина Литература магрибинцев во Франции: продолжение диалога культур Востока и Запада	88
З.М. Шаляпина Средства компьютерной обработки японских текстов, разрабатываемые в Институте востоковедения РАН	104
А.Р. Шихсаидов, А.И. Османов Дагестанское востоковедение: состояние и перспективы	119
Р.С. Хакимов О программе «Ислам в XXI в.»	128
Отчетный доклад о работе Общества востоковедов при Российской Академии наук за 1998 - 1999 гг.	131

От редколлегии

В четвертом выпуске «Бюллетеня» Общества востоковедов при Российской Академии наук начинается публикация материалов II Всероссийского съезда востоковедов, который проходил в Казани с 18 по 22 октября 1999 г. и был созван Обществом востоковедов РАН при участии Института востоковедения РАН, Правительства Республики Татарстан и Администрации г. Казани, Казанского государственного университета, ряда институтов Академии наук Татарстана. На съезде были поставлены и обсуждены как концептуальные проблемы нового этапа в развитии востоковедения, так и практические вопросы деятельности востоковедческих коллективов и научных центров. Были продемонстрированы возможности современных средств связи, которые позволят в обозримое время создать единое информационное пространство в области востоковедения в масштабах России.

В рамках съезда прошло также заседание Общества востоковедов РАН, на котором прозвучал Отчетный доклад о деятельности Общества за 1998-1999 гг. и были избраны руководящие органы Общества на последующие два года.

По разным причинам, прежде всего, потому, что некоторые участники задержали предоставление текстов своих выступлений, материалы публикуются частично. В последующих выпусках «Бюллетеня» редколлегия предполагает опубликовать все представленные материалы.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

**УЧАСТНИКАМ ВТОРОГО ВСЕРОССИЙСКОГО
СЪЕЗДА ВОСТОКОВЕДОВ**

Уважаемые участники съезда,

Сердечно приветствую проходящий в Казани, на гостеприимной земле Татарстана, Второй Всероссийский съезд востоковедов.

Востоковедение в России всегда являлось важнейшей частью науки и культурологии. Оно по праву заняло лидирующее место в мировой ориенталистике, чему мы во многом обязаны подвижнической научной деятельности таких крупнейших востоковедов как Х.К.Баранов, В.В.Бартольд, Б.М.Гранде, П.К.Коковцов, Н.И.Конрад, И.Ю.Крачковский, С.Ф.Ольдербург, В.В.Струве, Б.А.Тураев и многих других. И сегодня российские востоковеды, несмотря на трудности, переживаемые академической наукой вместе со всей страной, самоотверженно продолжают трудиться, сохраняя и преумножая лучшие традиции отечественного востоковедения.

Россия - это великая мировая и евразийская держава. Соседствуя с исламским миром, мы поддерживаем дружественные отношения с большинством входящих в него государств. У нас сложились стратегически ориентированные в XXI век отношения с Китаем. Мы неуклонно развиваем добрососедское и взаимовыгодное сотрудничество с

Монголией, двумя корейскими государствами, Японией. Традиционно крепкие узы связывают нас с Индией. Значительно продвинулись вперед наши политические и экономические контакты со странами АСЕАН. Россия - активный участник многостороннего сотрудничества в АТР. Восточное и южное направления являются важнейшими векторами нашей внешней политики.

Российское внешнеполитическое ведомство всегда тесно сотрудничало с отечественными научными организациями востоковедческого профиля. МИД России и впредь будет придерживаться этой традиционной линии.

Общество востоковедов при Российской академии наук, Институт востоковедения РАН, руководство и востоковеды Татарстана провели большую работу по подготовке съезда. Мы уверены, что съезд внесет серьезный вклад в дальнейшее развитие российской ориенталистики. Желаем вам новых творческих успехов.

И.Иванов

Москва, « 19 » октября 1999 года

Выступление Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева

Уважаемые участники съезда, дорогие наши гости! Позвольте приветствовать и поздравить вас с началом работы Второго съезда востоковедов России и пожелать успехов достижения новых высот в ваших научных исследованиях.

Я также с огромным удовольствием хочу приветствовать почетного президента Общества востоковедов РАН Е.М. Примакова, известного востоковеда, человека, который владеет знаниями Запада и мудростью Востока. Политика, который знает, как достичь баланса интересов различных народов Российской Федерации.

Востоковеды России собрались на рубеже нового тысячелетия в критический для страны период, когда окончательно решается вопрос выбора пути ее развития. Во многом от вас, ученых, зависит осмысление не только прошлой истории государства, но и трактовка современных событий. Сегодня, благодаря набирающей силу демократии, мы имеем возможность по-новому взглянуть на историю и отбросить мешающие нам стереотипы. Осмысление прошлого должно помочь народам найти согласие, наполнять гордостью за своих предков, воспитывать в молодом поколении людей терпимость, взаимопонимание. В XXI в. мы должны вступить очищенными от груза прежних обид.

Вы знаете, сколько лжи часто распространяется о татарах и других народах России. И не только в прессе, но, к сожалению, и в учебниках. Очень мало книг, говорящих правду о Тюркском каганате, Золотой орде, Казанском и других ханст-

вах. Эти государства, и населяющие их народы, представляются обывателю варварскими, и мало кто знает их подлинное значение для становления Российской государственности. Нет нужды приукрашивать прошлую историю, но без объективно написанной истории не будет в стране полного взаимопонимания.

Абсолютно неверно искусственно противопоставлять Восток Западу, христианство исламу, одни цивилизации другим. Сегодня об этом нужно сказать особо. Некоторые политики, скорее политиканы, решили поиграть на самых тонких чувствах людей: национальной и религиозной принадлежности. Нет плохих и хороших религий, нет достойных и недостойных народов. Нужно бороться с конкретными преступниками, уничтожать террористов, но никому не дано право обвинять целые народы и даже религии, и религии конкретных народов. Сегодня в средствах массовой информации, сделали из ислама пугало. Это усугубляет и без того нестабильную в обществе обстановку.

Как мне представляется, миссия ученых-востоковедов состоит в том, чтобы показать несовместимость терроризма с религией, выявить особенности ислама, терпимо относящегося к христианству и иудейству. Особо важной темой является широкое освещение особенностей российского ислама в его более яркой и выдающейся реформаторской форме: джадидизме. Вот что мы должны противопоставить ваххабизму. Как это часто бывает, наши имамы ищут правду в других странах, в то время как она кроется в наших собственных традициях. Где еще можно найти такую плеяду теологов ислама как Курсави, Марджани, Галимджан Баруди, Муса Бигиев, Резаэтдин Факруддинов. В их произведениях содержится не только многовековая восточная традиция, но и понимание современных им требований. Они дали глубокое философское осмысление ислама. Сегодня духовные лица зачастую увлекаются внешней стороной дела – одеждой и ритуальностью, строительством

мечетей, забывая о сущности религии. Не ваххабизм, и не иные течения, а именно джадидизм - наши собственные российские традиции в исламе, - единственная и самая надежная гарантия от проникновения экстремизма в религиозной форме.

Выбор Казани в качестве места проведения настоящего форума, видимо, не случаен. Казань с XVIII в. играла роль восточных ворот России. Сегодня, когда Казахстан и Узбекистан стали суверенными государствами, особенно возрастает ее роль в качестве посредника между Западом и Востоком.

Почти 1000 лет назад на стыке Европейского и Азиатского континентов появилась наша столица. Уже тогда она была связана тесными торговыми и культурными связями с арабами и русскими, Восточной Европой и Скандинавией. Казань органично связывала Восток и Запад, помогая взаимному обогащению различных культур. Ученым и политикам было бы весьма своевременным уйти от европоцентризма и увидеть историческую роль каждой страны и каждого народа в мировом развитии. И это особенно актуально звучит для России, которая находится сразу на двух континентах и органично соединяет в своей культуре как европейские, так и восточные традиции.

Казань всегда славилась своими востоковедами. Не случайно именно в Казанском университете появился первый восточный факультет, который положил начало востоковедению в России. Сегодня есть все возможности возродить эти славные традиции. В Казанском университете в настоящее время существуют: факультеты татарской филологии, истории и восточных языков; в Академии наук Татарстана имеется Институт языка, литературы и искусства; также вновь открытый Институт истории. На этой базе может быть восстановлен и востоковедческий факультет. Нужно в этом деле и ваше содействие, ученые востоковеды Российской Федерации.

Российские востоковеды – достойная часть мировой ориенталистики. Без полноценного востоковедения трудно

представить себе решение практических и теоретических проблем мирового развития.

Хочу пожелать съезду успешной работы, а ученым, - творческих успехов, здоровья и благополучия.

ПРИНЯТО
15 15 23
сы/се сгг м
Бланк №
Принят/Кабул итд

Для записок адресата / Адресат измалары очен

ЭЛИСТА КАЛМ 248282/2 144 15/10 1519=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КАЗАНЬ

УЛ. КРЕМЛЕВСКАЯ 18

КАЗАНСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ ФАКУЛЬТЕТ ТАТАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ИСТОРИИ
АКАДЕМИКУ АН ТАТАРСТАНА, ПРЕЗИДЕНТУ ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВЕДОВ РАН
УСМАНОВУ М А=

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ П ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА
ВОСТОКОВЕДОВ ВСК

МНЕ ДОСТАВЛЯЕТ БОЛЬШОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ВАШ ФОРУМ
ПОЖЕЛАТЬ ВАМ ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ УСПЕХОВ НАУЧНОМ ПОИСКЕ
ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ

ДВА ГОДА НАЗАД ЭЛИСТА РАДУШНО ВСТРЕЧАЛА УЧАСТНИКОВ I
ВСЕРОССИЙСКОГО ОРГАНИЗАЦИОННО НАУЧНОГО СЪЕЗДА "ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА" ТЕПЕРЬ ЭСТАФЕТУ ПРИНЯЛА
КАЗАНЬ. СТОЛИЦА БРАТСКОГО ТАТАРСТАНА НАРОДОМ КОТОРОГО КАЛМЫКИ
СВЯЗЫВАЮТ ДАВНИЕ ТЕСНЫЕ УЗЫ ДРУЖБЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
КАЗАНЬ ПО ПРАВУ СЧИТАЕТСЯ КОЛЫБЕЛЬЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЗДЕСЬ ЖИЛИ РАБОТАЛИ ВЫДАЮЩИЕСЯ МОНГОЛОВЕДЫ А. БОБРОВНИКОВ А. ПОПОВ
О. КОВАЛЕВСКИЙ ХРАНЯТСЯ ФОЛИАНТЫ РУКОПИСЕЙ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОМ
СТАРОКАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАЛМЫЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПОЛУЧИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНИ

МНЕ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО ОТМЕТИТЬ ЧТО РОССИЙСКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ СОХРАНЯЮТ
ЛИДИРУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ МИРОВОЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ НАУКЕ УБЕЖДЕН ЧТО
НАСТУПАЮЩЕМ XXI ВЕКЕ ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ЭТА ТРАДИЦИЯ ПОЛУЧИТ
ДОСТОЯНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

БЕЛОЯ ВАМ ДОРОГИ НА НИВВ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ВСК=
ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ К ИЛЮМИНОВ-

НННН 05241009 15. 23 15. 10. 99

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

117901, ГСП-1, Москва В-71,
Ленинский просп., 14, тел.: 954-35-08,
факс: 952-41-90

Участникам 2 Всероссийского съезда востоковедов

Дорогие участники съезда!

Мне доставляет большую радость приветствовать вас от имени Президиума Российской Академии наук и от себя лично.

Проведение 2 Всероссийского съезда востоковедов в Казани – ясное свидетельство того, что российское востоковедение успешно развивается и осваивает новые организационные и информационные возможности. Отечественная школа востоковедов, как известно, традиционно занимает одно из первых мест в мировой науке, и изучение стран Востока было и остается важным направлением в деятельности Российской Академии наук.

1-й съезд востоковедов, который прошел в Элисте два года назад, ясно показал, что, несмотря на существующие трудности, за последние годы достигнуты значительные успехи практически во всех востоковедных научных центрах России, осваиваются новые направления исследований. Однако, именно сейчас необходимо дальнейшее развитие и упрочение организационных научных связей между востоковедческими центрами нашей страны. Уверен, что 2-й съезд даст всем этим позитивным процессам новый импульс.

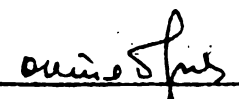
Особенно знаменательно, что съезд происходит в Казани, славной своими традициями в области изучения Востока. Есть все основания думать, что казанский центр востоковедения снова станет одним из ведущих в нашей стране.

Желаю всем вам больших успехов в работе съезда и выражаю надежду, что он станет важной вехой в развитии координации исследований и в создании единого российского востоковедного информационного пространства.

Президент
Российской Академии наук
академик

Ю.С. Осипов

19. 1999 г.

Выступление почетного президента Общества востоковедов РАН академика Е.М. Примакова

Уважаемый Минтимер Шарипович! Дорогие коллеги, друзья!

Мне доставляет большое удовольствие приветствовать сегодня участников Второго Всероссийского съезда востоковедов. Мне очень приятно сознавать, что не утеряны традиции сотрудничества, координации усилий, взаимной моральной поддержки, которые так нужны нам всем, ради поддержания которых создавалась Ассоциация. Я хочу поблагодарить всех за ту великую честь, которая была мне оказана, когда меня избрали почетным президентом Общества востоковедов.

Можно считать, что, несмотря на тяжелые материальные условия, в которые попала наша наука в последние годы, особенно фундаментальные исследования, к которым относится востоковедение, оно переживает сейчас определенный подъем. Востоковедение всегда имело две стороны. С одной стороны – это ракурс ретроспективный, обращенный в историю; с другой стороны – это современность. Мне представляется, что сейчас современные исследования обогащаются совершенно новыми направлениями. Одно из них – это исследование так называемого ближнего зарубежья, зарубежья бывших восточных республик Советского Союза, их истории, экономики, культуры. Причем, это происходит на очень интересном этапе их развития, когда суверенитет полностью принадлежит им. В то же самое время существуют определенные тенденции, которые объединяют их с другими частями бывшего Советского Союза и которые, к сожалению, размываются по-

сле того, как не удалось сохранить по настоящему единого экономического, культурного и информационного пространства. Изучение этих тенденций и становится новой сферой исследования для востоковедов.

Другая новая сфера исследования востоковедов, – это изучение процесса эмиграции населения из стран Азии и Африки в Европу, вследствие чего Европа сейчас становится размытой в демографическом отношении. Есть, опять-таки, взаимовлияние цивилизаций, культур, проблемы возможности ассимиляции, невозможности ассимиляции и т.д. Это предмет исследования востоковедной науки, обращенной в современность.

Еще один очень важный аспект исследования – гуманитарный. Современная Россия – крупнейшее многонациональное и многоконфессиональное государство. Если говорить серьезно, то исламоведение, например, должно включать в себя исследовательские подходы, позволяющие отличать фундаментализм от экстремизма. Фундаментализм свойственен любой религии, и опасность таит он в себе только в том случае, когда выступает в форме экстремизма, т.е. когда есть тенденция навязать определенный образ жизни, или определенную модель государства. Отличать фундаментализм от экстремизма необходимо для того, чтобы избежать межрелигиозной розни, избежать того, чтобы ислам стал противником цивилизованного человечества. Негативное отношение к исламу неправильно. Ислам – это часть мировой культуры, без ислама невозможно продвижение и развитие всей мировой культуры и цивилизации. Понимая это, востоковеды должны использовать свои знания, свой опыт для того, чтобы четче провести грань, отличающую экстремизм от ислама.

Очень важно, что Второй съезд востоковедов происходит в Казани. Казань возрождается сейчас как центр востоковедения, которым, безусловно, она была в XIX столетии. Сейчас здесь развивается и арабистика, и тюркология, и иранистика, и исследования по Китаю, по Японии.

Я хотел бы пожелать моим коллегам из Татарстана успехов в этом, безусловно, полезном для всех нас деле.

Спасибо большое.

Выступление Президента Академии наук Республики Татарстан академика Х.М. Хасанова

Уважаемый Президиум! Уважаемые делегаты конгресса!

Мне доставляет больше удовлетворение сердечно приветствовать вас от имени АН Татарстана, ученых республики и пожелать участникам конгресса плодотворной, успешной работы.

Казань, насчитывающая тысячелетнюю историю, где на протяжении столетий сосуществовали и активно развивались европейские и азиатские цивилизации, одновременно была самыми западными воротами Востока и самыми восточными воротами Запада. Все это не могло не привести к образованию уникального симбиоза исторических, географических, культурных и религиозных факторов, что сыграло определяющую роль в образовании в формировании здесь оригинальной школы востоковедения, о которой очень хорошо сказал глубокоуважаемый Евгений Максимович.

Казанское классическое востоковедение является не только феноменом российской науки, но и культуры в целом. Оно оказывало определяющее влияние на решение научных и образовательных проблем ориенталистики, стало важнейшим фактором развития общегуманитарных знаний в России; было для многих российских интеллектуалов новой формации символом научного поиска и идейных исканий, способствовало осознанию того, что восточные народы являются частью Российского государства, а сама Россия тысячами уз связана с Азией.

Эта тенденция сохраняется в российском востоковедении и по сей день. Блестящая плеяда казанских востоковедов, ученые и преподаватели знаменитой первой Казанской гимназии, одного из старейших в стране Казанского университета, во многом уникальной Казанской духовной академии принесли мировую славу казанской и отечественной ориенталистике. Авторитетный журнал “Отечественные записки” в 40-х годах прошлого столетия писал: “Всем известно, что восточное отделение в Казани, есть не только первое между русскими учебными заведениями, но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных учебных заведений и Азиатских обществ Европы. Большой вклад в развитие академической востоковедческой науки внесли татарские ученые, о которых говорил в своем выступлении Президент республики Татарстан М.Ш. Шаймиев. Хотя формально они, эти ученые, не работали в учреждениях Российской Академии наук и Казанском университете, но их исследования и идеи оказали огромное влияние на весь тюрко-мусульманский мир, являются ценнейшим достоянием мировой ориенталистики. У английского писателя Кипплинга есть строки: “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись”. Российское востоковедение, в лице ее лучших представителей, в том числе и Казанская школа ориенталистов, является реальным опровержением этого категорического утверждения. Российское востоковедение стало мощным рычагом, способствовавшим не только объективному научному осмыслению истории, культуры народов Востока, но и внедряло гуманистические тенденции в общественную мысль и политическую практику России. Уверен, что съезд Общества востоковедов России станет важным этапом в координации деятельности различных направлений школ российской ориенталистики, имеющих большое значение для настоящего и будущего России.

Желаю всем участникам съезда доброго здоровья, новых творческих свершений. Надеюсь, что дни, приведенные в нашем древнем, вечно молодом городе Казани, оставят у вас самые хорошие впечатления.

Спасибо за внимание.

Выступление академика В.С. Мясникова

Я хотел бы передать приветствие съезду от имени Отделения истории РАН и Национального комитета историков России. Нам думается, что проведение Второго съезда востоковедов России в Казани, старейшем центре востоковедения России, является само по себе уже залогом успеха работы этого съезда. Действительно, Казань готовится к своему 1000-летию, из них 200 лет в Казани существует научное востоковедение. Первые университетские кафедры были созданы в России именно в Казанском университете, я имею в виду кафедры востоковедные. Восточный разряд Казанского университета, созданный в 1807 г., включал в себя целый ряд дисциплин по арабистике, тюркологии, ирановедению. А в 1837 г. здесь была открыта кафедра китайского и маньчжурского языков, раньше чем в С. Петербургском университете. Огромный вклад в развитие Казанского востоковедения внес тогдашний ректор Казанского университета, один из величайших математиков XIX в., но признанный более в XX в., Н.И. Лобачевский, который пытался создать в Казани специальный Азиатский институт при университете, но он остался только в проекте. Тем не менее, казанское востоковедение как часть общероссийского востоковедения, как часть мирового востоковедения успешно развивалось, развивается и будет развиваться в XXI в. Мы в этом уверены. И залогом этого является проведение съезда востоковедов сегодня, в эти дни здесь, в городе Казани.

Желаю успеха съезду и всем присутствующим.

Востоковедение – элита гуманитарной отечественной науки

Уровень подготовки каждого специалиста, решившего посвятить себя Востоку, всегда был чрезвычайно высок - так было и так остается и поныне. Знание языка изучаемой страны, обязательная черта востоковедного образования, открывало дверь в широчайшие и глубочайшие пласты истории, культуры, быта иных народов и цивилизаций, без этого закрытых и экзотических для европейца. Общие знания по своей дисциплине давали возможность востоковедам в полной мере воспринимать достижения своих коллег историков, экономистов, философов, политологов, языковедов, работающих на европейских, американских или русских источниках, позволяли дополнять и корректировать их выводы, сделанные на другом человеческом и историческом материале. Профессиональное владение не только восточными языками, но и западными, позволяло востоковедам иметь широкие возможности для применения своих способностей и знаний.

Трудности овладения своей профессией вели к отсеvu слабых и неустойчивых уже на дальних подступах к востоковедческой науке - поэтому каждое поколение было представлено воистину “штучным” набором специалистов, причем практически каждый из них являлся уникальным носителем знаний, навыков и идей.

Едва ли не каждый востоковед обладает широким историческим кругозором, ибо в странах Востока, как нигде, далекое прошлое и сегодняшний день существуют в неразрывной целостности и не могут быть поняты друг без друга.

Востоковеды - люди особого склада. В них слиты воедино романтика и скрупулезность, страсть к путешествию во времени и в пространстве и верность научному факту, влюбленность в чужую экзотическую жизнь и преданность своей культуре.

Предмет изучения неминуемо воздействует на них и втягивает их в свою ауру, но, погружаясь в инокультурное бытие, востоковед обязательно возвращается, чтобы рассказать об увиденном и понятом на своем родном языке. Мы - толмачи межкультурного диалога, мы - живой мост между расами, народами и странами мира. Мира, стремящегося к единству, несмотря на противоречия и непонимание.

Востоковедение - это не просто удовлетворение научной любознательности. С одной стороны, это важнейшая и неотъемлемая часть науки о человеке и человеческом обществе, а с другой - стержень государственной политики.

И мировоззренческая, и государственная ценность настолько значимы, что не будет преувеличением сказать, что отечественное востоковедение представляет собой национальное достояние России.

Между тем, многие плохо представляют, что скрывается за таким, казалось бы, понятным словом как "востоковедение". Иногда приходится даже отстаивать этот термин в спорах с теми, кто насмешливо предлагает использовать его в паре с неким "западоведением" или глубокомысленно сводит его к известной формуле известного персонажа "Восток - дело тонкое".

Многие гости - в том числе из западных стран - бывают несказанно удивлены, когда мы рассказываем им, чем занимается головной институт нашей отрасли, Институт Востоковедения, справивший год назад свое 180-летие.

Мы говорим им о *географическом* ареале наших исследований - вся Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Индия и сопредельные страны Южной Азии, Китай, Япония и вся Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион, включая Австралию и островные государства Тихого Океана. В последние годы добавились новые государственные образования Средней Азии и народы Восточной части Российской Федерации.

Такого востоковедения нет больше нигде - ни в Европе, ни в Америке, ни в Азии.

Мы говорим им о *временном* ареале - от предыстории до сегодняшнего дня, а вернее до завтрашнего и послезавтрашнего.

И в этом наше востоковедение уникально.

Мы рассказываем о *дисциплинарном* диапазоне нашего Института, где бок о бок, в ежедневных плодотворных контактах работают археологи и лингвисты, историки и политологи, экономисты и религиоведы, специалисты по международным отношениям и демографы, литературоведы, переводчики, социологи, искусствоведы...

Наш Институт, таким образом, это мини Академия Наук, уникальное явление в международной науке, сложившееся исторически и верное своим славным традициям. Вокруг нашего ИВ РАН на всем огромном пространстве Российской Федерации - десятки востоковедных учреждений, близких и родственных нам по духу и принадлежащих к той же школе отечественной ориенталистики.

В наше нелегкое время все мы сталкиваемся более или менее с одними и теми же проблемами. Еще совсем недавно многим казалось, что российское востоковедение ожидает полное исчезновение, гибель. В таком настроении прошла подготовка к Первому Всероссийскому съезду востоковедов в Элисте, на гостеприимной земле Калмыкии. Но уже на самом Съезде открылась неожиданная радостная истина: востоковедение живо и, более того, во многих регионах находится на марше. Единственное, что казалось на тот момент непреодо-

лимой преградой, это отсутствие связи между востоковедными центрами страны, своего рода информационный вакуум.

Как преодолеть этот вакуум, что делается в этом направлении - на эти вопросы должен ответить нынешний, Второй съезд востоковедов, перед которым распахнул двери один из старейших центров мирового востоковедения – столица Татарстана, Казань.

На пороге нового века мы вновь и вновь оцениваем ту область науки, служителями которой нам посчастливилось стать. В ней слиты воедино:

- память о прошлом (традиции, исторические пути стран Востока, их специфика, менталитет и многое другое). Сюда же отнесем нашу память о прошлом самого востоковедения, наше сегодняшнее осмысление и переосмысление трудов наших предшественников;
- понимание быстро меняющегося настоящего (политические события, экономические связи, культурная экспансия, конфликты, коммуникации, диалог - или его отсутствие и т.д.);
- прогнозы.

В принципе, в этом нет ничего нового, так было, так будет. Востоковедение – это наука о прошлом, настоящем и будущем. В последние годы появились, однако, некоторые новые нюансы, которые, хотим мы этого или не хотим, сохранятся и в востоковедении начала грядущего века.

Во-первых, все большее значение приобретает изучение Востока в глобальном контексте.

Во-вторых, практическое значение темы «Восток и Россия» теперь не только и - увы! - не столько лежит в русле определения нашей внешней (восточной) политики, сколько в определении возможных путей оздоровления и развития России.

И, наконец, в востоковедную тематику включаются теперь и внутрироссийские восточные проблемы, т.е. не только внешняя политика государства должна в определенной степени

строиться на результатах востоковедных исследований, но и его внутренняя политика.

Каким станет востоковедение будущего?

Сегодня нам надо решать массу практических задач, поэтому не будем заниматься бесплодным гаданием. Впереди всех нас ждут такие масштабные и непредсказуемые перемены в политической и экономической жизни мира в целом, изучаемых стран в частности, да и России тоже, такие невероятные прорывы технологического прогресса, что легче, наверное, сказать, каким оно не должно стать.

Оно не должно быть начетническим, деструктивным, бесполезным или конъюнктурным.

Начетническим - то есть подчиненным той или иной научной или политической догме, схеме, игнорирующей реальности и пытающейся подчинить себе свободную исследовательскую мысль.

Деструктивным - то есть, откровенно тенденциозным, антидиалогичным и агрессивным, односторонним и шовинистическим, расовым, конфессиональным или классовым, иными словами - орудием в руках одной из конфликтующих сторон.

Бесполезным - относящимся к числу умственных упражнений, оторванных от фундаментальных потребностей самопознания человека и человечества, и представляющим интерес лишь как самовыражение данного автора.

Конъюнктурным - то есть связанным только с сегодняшним моментом, рассчитанным на чье-то высокое одобрение и легко меняющим свои оценки и выводы на противоположные (увы, такие метаморфозы в среде востоковедов за последние десятилетия мы наблюдали неоднократно).

Иными словами, востоковедение будущего должно, прежде всего, оставаться наукой, сохраняя свое достоинство и неангажированность.

При этом, оно не может не стать важнейшей частью человековедения и обществознания. Без востоковедения эти на-

учные дисциплины теряют какой бы то ни было смысл. Причем восточный материал в них не может довольствоваться вспомогательной или маргинальной ролью. Во всех гуманитарных науках настало время сознательного и целеустремленного исправления перекосов в сторону европоцентризма и, следовательно, тотального пересмотра истории, литературоведения, экономической науки с учетом пути, пройденного Востоком.

Разумеется, во всем должна быть соблюдена мера и, устраняя европоцентристский подход, не следует впадать в его противоположность - азицентризм.

Нам предстоит большая и нелегкая задача - сделать востоковедные знания частью культуры нашего общества. Мы должны внедриться в уже сложившиеся представления, наполнить их новым дополнительным содержанием, своим, востоковедческим материалом, решительно расширить их и сделать виденье нашим обществом мировой истории и современного всем нам мира стереоскопическим и сбалансированным.

Объективная необходимость состоит в расширении адресатов наших исследований. Наши знания на нынешнем этапе жизненно необходимы не только относительно узкому кругу коллег, но и обществу в целом - причем это справедливо не только в отношении исследований, относящихся к современным проблемам, но и работ так называемого классического цикла.

По возможности каждый востоковед должен взять сегодня на себя, наряду с чисто научными, исследовательскими, также и просветительские функции. Кто, на мой взгляд, может и должен стать адресатом такого рода деятельности наших ученых?

Власть. Бизнесмены. Студенты и школьники.

Власть - в помощи востоковедов нуждаются сегодня все эшелоны власти - от высшего до администраций на местах. Востоковедное обучение власти специалистами ни в коем случае не должно замыкаться на информации о конкретике сего-

дняшнего дня, но включать в себя фундаментальные исторические и экономические разработки, дающие возможность не только оценивать, но и прогнозировать развитие существующих в изучаемых странах тенденций с позиций максимальной глубины памяти - исторической, социальной, культурной и экономической. При этом востоковедные разработки должны быть вписаны в глобальный контекст и поданы с точки зрения национальных интересов России.

В отличие от советского времени такие разработки не должны быть идеологически детерминированы и чаще всего, видимо, будут не заказными, а инициативными со стороны специалистов-востоковедов, вернее востоковедных учреждений.

Сказанное относится не только к Институту востоковедения РАН, для которого такого рода деятельность была, как известно, характерна и в прошлые десятилетия, но и к востоковедным учреждениям на местах.

Выступая коллективным советником власти, отечественные востоковеды должны стремиться к такому положению, когда они смогут стать соавторами восточной политики России - и внешней, и внутренней.

Бизнесмены - уже сейчас многие представители делового мира России начинают понимать, что развертывание экономических контактов со странами Востока без помощи академических специалистов по конкретным странам и регионам по меньшей мере затруднено, а иногда обречено на провал. Оказываемая им наша помощь должна включать в себя не только разработку чисто экономических вопросов, подготовку документации, поиск партнеров, оценку иностранных фирм и т.п., но и правовые аспекты, консультации по законодательству, налоговым и таможенным регуляциям. Особое значение имеет обучение культуре поведения в восточных странах, в частности, культуре ведения переговоров (что, впрочем, должно быть включено и в пакет услуг, предлагаемых властям).

Хочу оговориться, что не вижу во всем сказанном ничего обидного для востоковедов и ничего угрожающего полномасштабным фундаментальным исследованиям.

Студенты и школьники - важнейшей гражданской задачей отечественного востоковедения становится просветительская работа в школах и вузах невостоковедного (и не только гуманитарного) профиля, среди молодежи, т.е. среди людей двадцать первого столетия. Это не просто распространение дополнительных знаний, это прежде всего воспитание терпимости, взаимопонимания, уважения к другим культурам и народам - что имеет первостепенное значение в такой многонациональной и мультиконфессиональной стране как Россия.

Обращение ко всем этим группам адресатов означает выход нашей отрасли на качественно новый уровень востребованности востоковедения. Каждая из названных групп требует разработки особых жанров подачи того материала, которым мы владеем - записок, сценариев, ситанализов, справок и т.п. для первой; справочников, маркетинговых документов, аналитических материалов по юридическим и правовым вопросам для второй; учебников, видеофильмов, хрестоматий и переводов для третьей группы. Все это, повторюсь, должно базироваться на наших фундаментальных научных работах и современного, и классического циклов.

Просветительская функция востоковедения в известной степени облегчается тем, что во всех перечисленных группах, да и во всем населении в целом, отмечается устойчивый интерес к Востоку, причем отнюдь не только к современному. Читатели, потребители нашей информации уже есть, наша задача - выйти на них.

Но тут нас подстерегает новая опасность. Ниша наша уже во многом занята, в ней за последние годы уютно устроились мириады шарлатанов, творцы околонаучных и прямо антинаучных опусов, проповедующие всяческие русские Веды, диагностику кармы и прочую чушь. Поэтому к просветительским задачам востоковедения на современном этапе следует не

в последнюю очередь отнести доказательную борьбу за чистоту научного знания.

Попутно отмечу, что нам необходимо на всех уровнях нашей отрасли шире вводить и развивать дискуссионность - без этого мы не только затрудним себе борьбу с лженаучными “востоковедами”, но и затормозим развитие настоящей науки.

Если все же вернуться к вопросу о востоковедении ближайшего будущего, то несомненно, что оно должно сохранить основные черты своего традиционного облика и в первую голову свою *комплексность*. Не требует, мне кажется, доказательств, что без этого востоковедение в его нынешнем виде просто исчезнет. Самым решительным образом следует пресекать также попытки разорвать востоковедение современное и классическое. Знающие отрасль изнутри не могут не понимать, что это было бы равносильно гибели востоковедения.

В то же время, при наличии московского Института востоковедения, охватывающего все виды исследований, на местах логичнее развивать узконаправленные центры, избегая тем самым ненужного дублирования, а также распыления имеющихся кадров.

Завтрашнее востоковедение должно бережно и конструктивно сохранить все лучшее из востоковедения вчерашнего.

Однако, здесь есть одна проблема, не решив которую мы рискуем многое потерять. Впрочем, к великому сожалению, процесс, как говорится, уже пошел.

Речь идет о кадровой необеспеченности многих важных направлений востоковедения, о невоспроизводстве специалистов, о фактическом умирании некоторых дисциплин, в том числе составлявших в прошлом славу отечественного востоковедения. К примеру, под угрозой исследования ведической Индии, фактически нет притока молодых кадров в корееведение. При среднем возрасте сотрудников ИВ РАН в 62 года, у большинства наших корифеев нет в последние годы новых учеников, а не старые еще ученики прошлых лет уходят в фирмы и банки или уезжают в другие страны. Впору говорить о занесе-

нии многих востоковедческих дисциплин в Красную Книгу исчезающих профессий.

Нам надо сообща постараться наметить пути решения этой проблемы.

Понятно, что решить ее в отрыве от других, теснейшим образом связанных с нею проблем - и прежде всего проблемы привлечения молодых специалистов, создания им мало-мальски приличных условий для жизни и профессионального роста, - невозможно.

Само по себе старение академических коллективов не кажется мне трагическим. Любой гуманитарий, а востоковед в особенности, с годами набирает драгоценнейший опыт, собирает уникальную библиотеку, книгам в которой могут позавидовать лучшие хранилища страны, а то и мира, становится человечески мудрее и профессионально выше - и, если здоровье ему позволяет, он работает по восходящей. За примерами не надо далеко ходить - в нашем Институте успешно и активно трудятся люди, перешагнувшие порог 90-летия (Д.С. Комиссаров и др.). Их с полным основанием можно было бы поставить в пример молодым начинающим сотрудникам. Но беда в том, что этих молодых у нас практически нет. А это значит, что нет прямой и личностной передачи не только знаний (стоит ли говорить о том, что знания черпаются далеко не только из книг?), но и особой атмосферы научного сообщества предыдущего поколения. Даже если когда-нибудь неизвестные нам пока молодые дарования появятся, они скорее всего будут лишены счастья непосредственного личного общения с уникальными специалистами и мудрыми наставниками. Если прервется трансляция накопленного предыдущими поколениями ученых человеческого и профессионального опыта, если произойдет разрыв поколений, ущерб отечественному востоковедению трудно даже представить.

Я думаю, что эта проблема могла бы и должна бы стать темой следующего всероссийского Съезда востоковедов - иначе может быть поздно.

Нельзя сказать, что мы сидим, сложа руки. Так, например, Институт Дальнего Востока в порядке эксперимента шефствует над школой, где преподается китайский язык, строя отношения с учащимися таким образом, чтобы стимулировать их поступление в Университет на китайское отделение. А затем и в аспирантуру ИДВ. Более того, сейчас они рассматривают вопрос об открытии на базе этой школы детского сада - и тоже с китайским языком !

На базе Института востоковедения вот уже несколько лет функционирует Восточный университет, дающий всестороннее историческое или экономическое образование в увязке с востоковедным регионо- и страноведением, а также с восточными и западными языками. Первый выпуск практически полностью забрал МИД, некоторые бывшие студенты работают в иностранных посольствах в Москве, а также в банках и коммерческих фирмах - но более десятка пришли в аспирантуру нашего Института, причем лучшие из лучших, окончившие Университет с красными дипломами.

Поскольку их преподавателями в Университете, в основном, были сотрудники нашего Института, можно надеяться, что хоть какое-то частичное решение этой серьезнейшей из проблем нами нащупано.

Кстати, об аспирантуре. Она по-прежнему остается своего рода "кузницей кадров" для востоковедения - причем отнюдь не только столичного, и я пользуюсь случаем и призываю всех наших коллег с периферии, а также из СНГ самым внимательным образом рассмотреть возможность направления в Москву аспирантов и стажеров.

Конечно, как и большинство стоящих перед нами проблем, спасение исчезающих дисциплин и укомплектование штатов молодыми сотрудниками упираются в одно и то же - в финансы. Говорить об этом сегодня сколько-нибудь подробно, рассказывать о всех наших бедах в этой связи, - вряд ли конструктивно. Скажу только: и нами, в Москве, и вами за последние годы накоплен немалый и разнообразный опыт решения

финансовых вопросов - иначе мы просто давно уже прекратили бы свое существование. Обменяться этим опытом сегодня и обмениваться им в будущем мы обязаны.

То, что на сегодняшний день ни вы, ни мы не владеем всей полнотой информации об этом опыте, об этой важнейшей стороне нашей жизни в эти трудные времена, есть лишь малая часть большой и чрезвычайно значимой проблемы, которая по сути дела и является центральной для нынешнего Съезда. Это - отсутствие информации, постоянной, надежной, отслеживаемой и пополняемой.

Впервые мы говорили об этом два года назад на Первом Всероссийском съезде востоковедов в Элисте. Изданные два тома материалов в определенной степени помогают утолить информационный голод, давая срез всех представленных на том Съезде востоковедных учреждений России. Сегодня мы должны от статики перейти к динамике, мы должны заложить основы единого информационного поля, постоянно связывающего все российские востоковедные учреждения друг с другом, с коллегами в Москве, СНГ и в так называемом дальнем зарубежье на Западе и на Востоке. Мы предполагаем соединить в уникальную действующую информационную сеть институты и университеты, музеи и библиотеки, отделы рукописей и архивы, хранящие материалы, имеющие отношение к Востоку.

Эта сеть выведет востоковедные исследования в нашей стране на качественно новый уровень.

В рамках этой сети намечается проводить не только чисто информационный обмен, но и виртуальные конференции, дискуссии, осуществлять другие совместные мероприятия, включая уже разработанный электронный журнал, презентацию новых книг, выпуск дисков CD ROM по востоковедной тематике.

Разработка единой информационной сети позволит, наконец, наладить столь необходимую координацию наших исследований в масштабах всей страны.

Использование удаленными пользователями технических возможностей Института востоковедения даст им выход к востоковедческим ресурсам мировой науки, позволит вступить в контакт с коллегами в Европе, Азии и США, а также откроет им богатейшие книгохранилища мира и самую свежую периодику других стран.

Разумеется, сказанное не означает, что с развитием и совершенствованием виртуальных связей отомрут или сойдут на нет прежние формы сотрудничества или координации (совместные конференции, обмен литературой, обмен учеными, специалистами, лекторами, совместные проекты и публикации), а также научные командировки в изучаемые страны.

Признавая всю первостепенную важность решения проблемы выхода на новый технологический уровень, мы должны в то же время уделить на нашем Съезде время и внимание обсуждению направленных приоритетов нашей отрасли.

При этом речь далее пойдет не о гипотетически возможных направлениях, а лишь о тех, по которым уже фактически начаты исследовательские работы. В основном дальнейшее изложение построено на материалах Института востоковедения РАН.

Пунктирно, в чисто тезисном изложении они могут быть представлены в следующем виде.

История.

Наряду с безусловным сохранением привычных страновых и региональных исторических исследований мы можем уже констатировать наличие некоторых новых черт в большинстве начатых в самые последние годы исследований. К числу таких черт позволительно отнести

- соединение цивилизационного и формационного подходов;
- широкое развитие компаративистики;
- преобладающую роль исторической культурологии.

Одним из главных направлений исследований стало сравнительное изучение исторических корней актуальных по-

литических, социальных и идеологических проблем на материале традиционных и современных обществ Востока.

Соединение разновременных исследований характерно и для разработки темы организация власти на Востоке, включающего изучение феномена традиционного государства и подчиняющихся ему местных органов власти - от протогосударств до командно-административных структур - вплоть до стран современного Востока.

Все возрастающее значение приобретает изучение проблем демографии, ставящих под угрозу саму возможность роста благосостояния населения едва ли не большинства стран Востока.

К числу столь же жизненно важных проблем, имеющих, к тому же, безусловно, глобальный характер, относятся проблемы экологического выживания. Несомненно, что, как это ни грустно, комплекс демографических и экологических проблем имеет все основания оставаться в числе приоритетных направлений востоковедения в наступающем столетии.

Рубеж веков заставляет нас оглянуться на историю недавнего прошлого. Я выделил бы в качестве неотложных задач в этой связи следующие группы проблем:

- **осмысление XX века, его утрат, обретений и мифов;**
- **переосмысление колониализма;**
- **беспристрастное прочтение советского периода.**

Видимо, наступает время написания новой истории, в которой основное внимание будет уделяться не войнам и конфликтам, а распространению идей и ремесел - такое прочтение знакомых сюжетов, кстати сказать, будет полностью соответствовать рекомендациям ЮНЕСКО и ее решениям по проблеме Культуры мира, а также межкультурного и межкультурного диалога.

Это отнюдь не означает, что с повестки дня следует снять исследования по конфликтологии - эта новая отрасль

науки, несомненно, долго еще будет оставаться в числе приоритетных.

К новым, но уже получившим признание, типам исторических востоковедных исследований можно отнести так называемую *oral history*, устную историю, и стремительно развивающуюся социо-естественную историю. В качестве нового аспекта этого последнего направления ИВ РАН начинает изучение проблемы “Человек и природа в традициях духовной культуры Востока” и мне доставляет удовольствие пригласить к участию в этой работе наших иногородних коллег.

В востоковедении ближайшего будущего несомненно продолжится изучение сравнительно недавно начатых тем, таких как разделенные народы, восточные диаспоры на Западе, пограничные вопросы, проблемы безопасности. Эти и другие подобные им сенсетивные и важные темы требуют взвешенного и объективного подхода без малейшего намека на политическую ангажированность.

В последние годы, несмотря на финансовые трудности, мы продолжаем археологические экспедиции и даже приступили к проведению полевых исследований в странах Востока. Далеко продвинулась реализация дерзкой идеи создания филиала нашего Института (Центра египтологических исследований) в Египте.

Кстати сказать, поиски новых форм сотрудничества с изучаемыми странами иногда находят неожиданное решение – так, уже функционирует совместный Ученый совет с Дамаскским университетом.

Говоря об исторических исследованиях необходимо специально отметить все возрастающую роль архивных публикаций, ставших в постсоветский период одной из важнейших форм нашей деятельности. Главной задачей в этой связи является выявление, классификация и издание документов из архивохранилищ России, содержащих сведения о странах Азии и Африки. Итогом этой многотрудной работы станет многотомный Свод документов “Восток в архивах России” в 16 книгах,

двусторонние публикации документов с сопредельными странами, выпуски серии “Путеводители по востоковедным фондам архивов России” и другие публикации, в том числе, монографического характера. Сюда же примыкает издание ежеквартального журнала “Восточный Архив” (орган ИВ РАН и Общества востоковедов РАН).

В ближайшие годы будет завершено издание шеститомной обобщающей “Истории Востока” (три тома уже вышли в свет) и продолжено издание итоговой серии “Страны Востока, XX век” в перспективе охватывающей все без исключения страны Азии и Северной Африки (первые книги этой серии уже опубликованы).

В качестве приоритетной рассматривается нами подпрограмма «Россия-Индия-Китай», во имя исполнения которой в Дели в этом году создана Международная Ассоциация “Великий Треугольник” с участием Института имени Мауланы Калам Азада (Индия), Китайского Института современных международных отношений (Пекин) и ИВ РАН. Впрочем, деятельность этой Ассоциации изначально выходит за рамки чисто исторических исследований, включая в себя политические, экономические и культурные аспекты.

Экономика.

В последнее десятилетие отмечается значительное расширение и углубление тематики востоковедных экономических исследований, несмотря на неблагоприятную кадровую и финансовую ситуацию.

Эти изменения вызваны рядом причин, главные из которых сводятся к следующим:

- необходимость переосмысления ряда вопросов теории формационного развития, в связи, во-первых, с распадом СССР и социалистической системы, а во-вторых, с существенными переменами в экономическом и политическом строе развитых и развивающихся стран;

- необходимость тщательного анализа и творческого применения международного опыта хозяйственных реформ и хозяйственного развития в разработке и реализации стратегии экономического развития России;
- необходимость выравнивания структуры внешнеэкономических связей нашей страны с Востоком и Западом;
- необходимость расширения и укрепления внешнеэкономических связей России с новыми независимыми государствами, возникшими в постсоветском экономическом пространстве.

В этой связи наиболее приоритетными направлениями экономических исследований становятся

- теория и история формационного и цивилизационного развития мировых общественных систем, с акцентом на страны Востока;
- анализ и прогноз развития экономики и внешнеэкономических связей стран Востока на региональном, субрегиональном и страновом уровнях;
- зарубежный опыт системных преобразований и российские реформы;
- Россия - Запад и Россия - Восток (опыт межсистемного и межрегионального сотрудничества).

Нетрудно заметить, что изучение и освоение опыта стран Востока находит свое практическое применение в оценочных и рекомендательных выкладках наших специалистов по отношению к российским реформам. Остается надеяться, что их голос будет услышан.

Впрочем, нельзя не упомянуть, что в последние годы Государственная Дума неоднократно проводила специальные чтения по инициативе востоковедов, в том числе, и по экономическим вопросам.

Культура.

Легко спрогнозировать, что интерес самой широкой читающей публики к проблемам культуры Востока, традици-

онно очень высокий в нашей стране, в ближайшие годы и даже десятилетия на убыль не пойдет.

Более того, именно культурологические исследования, как представляется, займут подобающее им стержневое, центральное место в общей системе востоковедения.

Культура диалога, культура Мира, проблемы межэтнического, межрелигиозного, межкультурного общения - вот далеко не полный перечень приоритетных направлений в области культуры, которые, так или иначе, смыкаются с политическими, историческими и экономическими исследованиями и делают их в полной мере востоковедными.

Литературоведческие работы, труды лингвистов, переводы памятников письменности - все это было, есть и всегда будет визитной карточкой отечественного востоковедения.

Особое место занимает религиоведение. Учитывая непреходящее значение этого направления, хотел бы выступить инициатором создания на базе ИВ РАН Всероссийского центра исламских исследований, к сотрудничеству с которым необходимо привлекать как наших коллег-исламоведов, так и духовенство, в том числе и из СНГ.

Одной из первых и по времени, и по значению работ этого Центра могла бы стать многолетняя программа под условным названием "Ислам XXI века", нацеленная не на создание образа врага, а на раскрытие сущностных особенностей мусульманской религии и культуры.

* * *

Остается надеяться, что в востоковедении завтрашнего дня найдет отражение сбалансированность классических и современных исследований, фундаментальных и практических, локальных и глобальных, узкоконкретных и общечеловеческих.

Можно с уверенностью сказать, что, как и раньше, главными темами отечественного востоковедения останутся

Восток в мировом контексте

Восток - традиции и инновации

Восток и Россия.

Все остальные темы и направления являются производными от этих трех.

И последнее, что мне хотелось бы сказать.

Наш подход – к Востоку, к востоковедению, к нашему с вами сотрудничеству в будущем – должен, как представляется, определяться емкой и глубокой формулой, пришедшей к нам из далекой и близкой Индии, формулой на все времена: **единство в многообразии.**

О некоторых негативных тенденциях современного востоковедения

Дорогие коллеги!

Хотелось бы развить одно из положений, содержащихся в докладе Р.Б. Рыбакова. Он обращает внимание на то, каким востоковедение будущего не должно быть. В частности, оно не должно быть "деструктивным, т.е. откровенно тенденциозным, антидиалогичным и агрессивным, односторонним и шовинистическим, расовым, конфессиональным или классовым, иными словами – орудием в руках одной из конфликтующих сторон".

Востоковедение – комплекс весьма разнообразных наук, которые объединяет только одно – стремление понять иную культуру и, следовательно, сблизить народы, познакомить их друг с другом. Это может прозвучать выпендрено или чересчур категорично, но хочется повторить давно высказанную мысль: востоковедение выполняет важную гуманистическую функцию.

Востоковедение начиналось как колониальная наука. Но с развитием изучения стран Востока в самих этих странах, что нельзя не приветствовать, оно изменило свой облик. Теперь это в большей мере наука Востока, метод познания народами самих себя, метод самопознания, часть процесса идентификации наций и государств. Из науки, объективно направленной к признанию самоценности иных культур, их ценности для все-

го мира, оно все больше превращается в науку о ценностях своей культуры.

На этом пути, который идет и пойдет вне зависимости от нашего желания, появляется опасность, что будет утерян этос взаимопонимания, этос сближения народов, этос равноправия всех культур.

Все большие усилия ученых из стран Востока, бывших союзных республик, республик России направляются на возвышение своей культуры, своей истории, своего места в этой истории.

Наиболее часто теряют основное свойство научного исследования — объективность — работы по этнической истории. Желание удревить историю своего народа, сделать ее более героической и красочной, нередко толкает к формулировкам, имеющим формальные признаки научных выводов, но на самом деле базирующихся на эмоциях, на конъюнктурных соображениях. При этом возникают конфликты между учеными разных национальностей, которые способствуют не сглаживанию противоречий между народами, а усугублению существующих противоречий.

Я не говорю сейчас о политиках и журналистах, политических публицистах. У них свои интересы и своя работа. Я говорю о том, что ученые с их авторитетом нередко подыгрывают им и снабжают их "научными" аргументами. Патриотизм в отношении своей страны, своего народа, своей республики, естественно свойственный ученому как гражданину, не должен подчинять себе профессиональные качества — стремление к истине. Наука может помогать политике, но лишь в том случае, если она остается наукой, т.е. сферой деятельности, независимой от политики.

Большинство существующих ныне наций и народов возникли сравнительно недавно, в процессе образования государств. Например, русские как этнос не переживали первобытнообщинного строя, поскольку когда их предки находились на этой стадии развития, русских как этноса еще не было (мысль

Ю.И. Семенова). Корни каждого этноса уходят, конечно, в глубокое прошлое, но корней этих очень много, и корни – это еще не растение.

Я понимаю, что призыв к большей объективности мало что дает. Но сегодня, на Съезде востоковедов, проходящем под эгидой Общества востоковедов РАН, созданного именно для сплочения востоковедов всех народов, с целью способствовать взаимопониманию народов, подобный призыв должен был прозвучать.

**Алексеева П.Э.
КИГИ РАН, Элиста.**

Питомцы Казанской учительской семинарии из Калмыкии

Казанская инородческая учительская семинария открылась в 1872 г. Первым ректором семинарии был назначен экстраординарный профессор Казанского университета Н.И. Ильминский, который проработал на этой должности двадцать лет. Н.И. Ильминский принадлежал к прогрессивно настроенной части русской интеллигенции.

В Казанскую учительскую семинарию принимали детей низших сословий, в т.ч. крестьян, а также представителей нерусских народов России, «инородцев», как тогда называли их в России, православного вероисповедания.

Курс обучения был рассчитан на 4 года. Ежегодно принимали 40 учеников. Одновременно в семинарии обучалось до 150 студентов-семинаристов. Если говорить о национальном составе, то здесь учились, кроме русских, коми, мордвины, чуваша, башкиры, калмыки.¹

На первом курсе преподавание велось на родных для семинаристов языках, потом – только на русском.

Деятельность Казанской учительской семинарии и Казанской духовной академии (в дальнейшем – КДА) были тесно связаны, так как оба учебные заведения готовили кадры для распространения среди народов России христианского учения.

При православном братстве св. Гурия действовал переводческий комитет, который занимался изданием учебников,

учебных пособий, молитвословов на языках народов России. К этой переводческой деятельности привлекались учителя и ученики учительской семинарии и духовной академии, в том числе – калмыцкого происхождения.

До 1884 г. в Казанскую учительскую семинарию буддистов не принимали. Первым из калмыков поступил туда в 1884 г. Леонид Лопатин, крещеный калмык. Он учился на средства православного миссионерского общества, курс окончил в 1890 г.

Л. Лопатин готовился к миссионерской деятельности среди калмыков, поэтому после окончания учительской семинарии в Казани он поступил в Астраханскую духовную семинарию, получил духовный сан, затем работал в миссионерских центрах и школах при них в населенных пунктах Калмыцкой степи: Чилгир, Ноин-Ширя, Улан-Эрге, - где проживали крещеные калмыки.²

В Казанской духовной академии, одном из главных учебных заведений, где готовили будущих миссионеров, в течение десяти лет преподавателем калмыцкого разговорного языка работал безаймачный зайсанг Багацохуровского улуса Дик Бадмаев. В кратких биографических сведениях о преподавателях-монголистах КДА сообщается, что Д. Бадмаев окончил курс Казанской учительской семинарии.

В архивных документах Центрального архива Республики Татарстан (далее – НАРТ) встречается много сведений о преподавателях калмыцкого языка КДА. Так, за 1885 г. есть сообщение об увеличении жалования преподавателю калмыцкого языка Д. Бадмаеву.³

Одним из немаловажных условий успешной работы в КДА, видимо, было принятие православия. Работать иноверцу в учебном заведении, где готовили служителей православной церкви, было трудно, существовали некоторые ограничения в сфере деятельности. В 1888 г. Дик Бадмаев перешел в православие.⁴ После крещения Дик Бадмаев носил имя Михаил Васильевич Бадмаев.

М.В. Бадмаев, очевидно, был одаренной личностью. Работая в КДА, он одновременно учился в учительской семинарии и Казанском ветеринарном институте, который закончил в 1889 г. В том же году М.В. Бадмаев был зачислен на медицинский факультет Казанского университета.⁵

В период пребывания в г. Казани М.В. Бадмаев активно сотрудничал в переводческом комитете христианского братства св. Гурия, участвовал в издании книг на калмыцком языке.

Переводы осуществлялись с учетом особенностей того или иного языка. При переводах на калмыцкий язык было учтено наличие мягких, долгих гласных в калмыцком языке, для передачи которых стали использовать, как в некоторых европейских языках, точки и тире над буквами. Например: а-ä, о-ö, у-ü. Долготу гласных обозначали черточкой: ā, ō, ū. Такие новшества были введены преподавателями монголо-калмыцкого языка И.И. Ястребовым и М.В. Бадмаевым для ведения практических занятий по калмыцкому разговорному языку.

С целью проверки и уточнений новой транскрипции для печатания книг на калмыцком языке в 1887 г. в Калмыцкую степь были командированы В.М. Миротворцев, преподаватель монголо-калмыцкого языка КДА, студент 2-го курса КДА Константин Данилов и Михаил Бадмаев.

С применением новой транскрипции с 1882 г. по 1899 год были изданы 5 книг на калмыцком языке: "Букварь для калмыцких улусных школ" (1892), "Первоначальный учебник русского для калмыков" (1895), "Огласительное поучение готовящихся к святому крещению". На разговорном калмыцком языке: "Учение перед святым крещением", сочинение архимандрита Макария (1894), и книга самого М.В. Бадмаева на медицинскую тему: "Общепонятное наставление калмыкам о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача". Составил, перевел на калмыцкий разговорный и русский языки М. Бадмаев. (Казань, 1893 г., 57 с.).⁶

Книга на медицинскую тему студента медицинского факультета Казанского университета М. Бадмаева представляет собой практическое пособие по оказанию медицинской помощи больным холерой, правилам ухода, соблюдению мер предосторожности при уходе, применению различных средств при лечении больных холерой.

Практическое медицинское пособие М.В. Бадмаева написано на «ясном письме», переложено на калмыцкий разговорный язык и переведено на русский язык.

М.В. Бадмаев закончил медицинский факультет Казанского университета в 1894 г. и затем выехал в Калмыцкую степь. В Астрахани он подал прошение на занятие должности врача при Управлении калмыцким народом, занимался частной практикой в г. Астрахани.⁷

В национальном архиве Республики Калмыкия хранится заявление М.В. Бадмаева с просьбой отпустить его в г. Казань для усовершенствования знаний по хирургии.

По высочайшему повелению от 20 декабря 1894 г. было разрешено принимать в Казанскую учительскую семинарию инородцев-язычников.⁸ После этого в Казанскую семинарию были приняты 4 мальчика из Калмыцкой степи, стипендиаты Управления калмыцким народом.⁹

За 32 года существования Казанской учительской семинарии, с 1872 по 1904 гг., курс обучения закончили несколько мальчиков из Калмыцкой степи. В разное время Казанскую учительскую семинарию окончили первые представители калмыцкой интеллигенции: Араши Чапаев, Алексей Маслов, Константин Никитин, Нимя Санджиев, Лиджи Нормаев.

Лиджи Нормаев учился в Казанской учительской семинарии с 1894 по 1898 гг.

Выпускники Казанской учительской семинарии и КДА, владевшие калмыцким и русским языками, направлялись в Калмыцкую степь, на преподавательскую работу в Астраханское духовное училище, Астраханскую духовную семинарию, где готовили служителей миссионерских станом среди калмы-

ков. Некоторые выпускники поступали на должности переводчиков в Управление калмыцким народом в Астрахани или в улусные ставки, так как при каждой улусной ставке были должности переводчика, письмоводителя, писца, толмача.

Выпускник учительской семинарии Лиджи Нормаев занял должность переводчика в Харахусовской улусной ставке, затем работал переводчиком в ставке Малодербетовского улуса.

С 1901 по 1904 гг. Лиджи Нормаев работал преподавателем калмыцкого языка в Казанской духовной академии.¹⁰ На летние каникулы выезжал в родные степи. В один из таких приездов, в 1903 г., Л. Нормаев встретился с учеными востоковедами Г.И. Рамstedтом и А.Д.Рудневым, которые приехали в Калмыцкую степь с научными целями, для сбора фольклорных материалов. Вот как описывает финский востоковед Г.И. Рамstedт (1873-1950) свою встречу с Лиджи Нормаевым: «...Бааза-бакши*, который был уже болен, когда я приехал, слег, и я вернулся в Сарепту. Немного погодя я отправился в калмыцкую деревню Червленное, которая находилась на границе между Саратовской и Астраханской губерниями. Летом здесь останавливался Лиджи Нормаев, преподаватель калмыцкого языка КДА. Этот молодой человек был большим энтузиастом буддизма и любил все монгольское (т.е. калмыцкое - П.А.), тибетское. Он мечтал когда-нибудь увидеть собственными глазами Лхасу. Меня удивило, что он пошел преподавать калмыцкий язык в КДА, выпускники которой обучались, чтобы стать миссионерами русской ортодоксальной церкви среди калмыков... Лиджи Нормаев очень интересовался калмыцким фольклором, и я записал у него для своего сборника...».¹¹

В Казанской духовной академии на ревностного буддиста Л. Нормалева оказывали давление, чтобы он принял православие. За отказ перейти в православную веру Л. Нормаев в 1904 г. был отстранен от должности преподавателя калмыцко-

* Бааза-бакши Менкуджеев, священник, путешественник по Тибету

го языка в КДА.¹² На его место был назначен М.С. Нефедьев, выпускник КДА, уроженец Астраханской губернии, свободно владевший калмыцким языком.

После отстранения от преподавательской работы в КДА Л. Нормаев вернулся в родной Малодербетовский улус. Попечителем этого улуса в то время работал С.А. Козин, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета, усилиями которого в Малодербетовском улусе было открыто 10 аймачных школ. Три из них были открыты в 1905 г.

В одной из этих трех школ, в урочище Цаган Нур Талтанкиновского рода, с 3 января 1905 г. начал работать учителем Лиджи Нормаев. Но эта школа вскоре закрылась. В 1908 г. Л. Нормаев работал учителем школы Бага-Чоносовского аймака Манычского улуса, затем, в 1912-14 гг., – учителем школы Ики-Чоносовского аймака этого же улуса, в 1915 г. – в Манычских улусных мужской и женской школах в г. Элисте.¹³

Можно с уверенностью предположить, что переводчик Малодербетовской улусной ставки Л. Нормаев и попечитель этого улуса С.А. Козин имели возможность близко общаться, влиять друг на друга. Подтверждение тому – дальнейшие научные интересы С.А. Козина, который стал заниматься изучением калмыцкого героического эпоса "Джангар". Учитель Л. Нормаев тоже занимался изучением эпоса "Джангар". Ему первому был поручен перевод эпоса на русский язык. Три пробных отрывка перевода на русском языке были опубликованы в журнале "Ойратские известия". Это был второй случай публикации на русском языке отрывков из эпоса "Джангар", после публикации одной песни "Джангара" А. Бобровниковым в 1856 г. Была ли закончена полностью работа Л. Нормоева по переводу эпоса "Джангар", неизвестно. В 1928 г. Л. Нормаев издал две песни калмыцкого эпоса "Джангар" в транслитерации с «ясного письма» на кириллицу..¹⁴

В 1906 г. учителя Калмыкии выступили с инициативой созыва учредительного съезда, на котором намеревались решить насущные вопросы развития народного образования в

Калмыкии, улучшения преподавания родного и русского языков. Свои задачи они изложили в письме на имя заведующего Управлением калмыцкого народа Иодковского. Они выдвинули более 70 вопросов, в том числе об увеличении средств на учебные пособия, об учреждении школьных библиотек, о необходимости преподавания основ буддизма, об улучшении преподавания калмыцкого языка, о наилучшей постановке преподавания русского языка, о введении в улусных школах преподавания основ калмыцких ремесел, об открытии интернатов для учеников.¹⁵

Учитель калмыцкой школы Л. Нормаев уделял большое внимание методике преподавания и усвоения родного языка. Обладая большим практическим опытом работы в национальных школах, он сам занимался составлением учебников, учебных пособий, которых так не хватало в школах Калмыкии.

В начале XX в., по просьбе представителей калмыцкой интеллигенции Большедербетовского улуса, востоковед В.Л. Котвич (1872-1944) совместно с преподавателем монгольского языка Петербургского университета А.Д. Рудневым (1878-1958) организовал курсы по подготовке учителей калмыцкого языка при университете, на которые съехались свыше 10 человек. Из-за отсутствия учебных пособий по калмыцкому языку В.Л. Котвич сам составил и издал на «ясном письме» "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка" (Пг., 1915) и (совместно с Л. Нормаевым) "Калмыцкий букварь" (Пг., 1915; 2-е изд. "Элиста", 1994).

При издании этих двух книг был принят принцип соответствия письменной и разговорной речи калмыков. В предисловии к изданию "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка" В.Л. Котвич отмечает: "При составлении учебников пришлось придерживаться совершенного письма Зая Пандиты, принимались меры, чтобы приобщить письмо к живой разговорной речи калмыков, с применением новых букв калмыцкой орфографии".¹⁶

В 1929 г. Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословакии, нуждаясь в учебных пособиях для занятий по изучению родного языка, организовала переиздание труда В.Л. Котвича "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка" (Пг. 1915). В предисловии ко 2-му изданию В.Л. Котвич пишет: «Благотворное отношение к "Грамматике" обнаружилось в Астраханской губернии. Один из учителей Манычского улуса Л.Н. Нормаев принял во внимание новое правописание в своих учебниках для начальных школ Калмыцкой степи, которые изданы Управлением калмыцким народом в 1916 г. Влияние этой орфографии сказалось на первом периодическом издании "Оордин зянгс" ("Ойратские известия")». ¹⁷

Учитель Л. Нормаев не довольствовался теми знаниями, которые он получил в Казанской учительской семинарии. Он стремился получить более глубокие знания восточных языков. Желание его вместе с учителем А. Чапчаевым поехать на учебу в Петербург не осуществилась из-за отсутствия средств. Земский отдел Министерства государственных имуществ и земледелия, в ведении которого находились кочевые народы, отказал в выделении средств на командировку на курсы по подготовке учителей восточных языков. ¹⁸

В 1918 г., по постановлению коллегии исполнительного комитета депутатов трудового калмыцкого народа от 12 сентября 1918 г., было принято решение о создании печатного органа, издаваемого на калмыцком языке, под названием "Известия совета депутатов трудящихся калмыцкого народа". Была создана редколлегия в составе А. Чапчаева (председателя), членов редколлегии А. Амур-Санана, Якубчика. В качестве переводчиков приглашались учитель Лиджи Нормаев, Мергасов, Сарангов. ¹⁹

В ноябре 1918 г. было принято решение изменить название газеты на "Трудовой калмык".

В это тяжелое время, особенно трудное для интеллигенции, учитель Манычского улуса Л. Нормаев обратился в ЦИК Советов депутатов трудящихся калмыцкого народа с просьбой

определить в калмыцкий пансион своего сына Николая, 13 лет, ученика Манычской высшей начальной мужской школы, и принять его на учебу в одну из "высших начальных школ" г. Астрахани.²⁰

Старейший учитель Калмыкии Л. Нормаев, истинный знаток родного языка, истории, религии, тяжело переживал трагическую гибель в 1919 г. калмыцкого ученого Боован Бадмы, который получил высшее образование по буддийской философии в Тибете. Лхарамба Боован Бадма был приглашен на работу на Восточный факультет Петроградского университета. У него было великое желание, работая в университете, самому получить светское образование.

После гибели Боован Бадмы Л. Нормаев обратился в Калмоблоно с предложением открыть подписку для учреждения стипендии имени бакши Боован Бадма при Манычском высшем начальном училище. Учитывая плодотворную просветительскую деятельность покойного бакши Боован Бадмы среди калмыцкого народа, это учреждение дало разрешение на сбор средств для учреждения стипендии имени Боован Бадмы.²¹

В 1920-21 учебном году Л. Нормаев работал преподавателем родного языка и калмыцкой истории в новооткрытом сельскохозяйственном техникуме в ставке Башанта Большедербетовского улуса. К этому времени стаж его преподавательской работы составлял 25 лет.

После установления автономии калмыцкого народа областные учреждения, издательства, редакции газет и журналов сосредоточились в г. Астрахани, куда приглашались специалисты из числа калмыцкой интеллигенции. В связи с этим дальнейшая деятельность Лиджи Нормаева проходила в г. Астрахани. Он был лектором калмыцкого языка на только что открывшихся калмыцких учительских курсах, которые позже были преобразованы в калмыцкий педагогический техникум.

Основным местом работы Л. Нормаева в г. Астрахани было калмыцкое издательство, где он работал в должности переводчика.²²

Л. Нормаев внес значительный вклад в развитие народного образования в Калмыкии, был автором многих учебников и учебных пособий для калмыцких начальных школ. По списку книг, имевшихся в Джакуевской школе Хошеутовского улуса, составленному в августе 1920 г., можно определить названия изданных учебников, пособий, словарей, составителями которых были Л. Нормаев и его коллеги: 1) Калмыцкий букварь для начальных школ Калмыцкой степи Астраханской губернии. Сост. Л. Нормаев. 2) Пособие по русскому языку для учителей начальных школ, не умеющих говорить по-русски. Сост.: П. Коржеева, Л. Нормаев, А. Чапчаев, Т. Юркова. 3) Пособие по обучению калмыцкому языку. Сост. Л. Нормаев. 4) Краткое руководство для учителей начальных школ по ведению разговорной речи с детьми, не умеющими говорить по-русски. Сост.: П. Коржеева, Л. Нормаев, А. Чапчаев, Т. Юркова. 5). Краткий русско-калмыцкий словарь для начальных школ. Сост.: П. Коржеева, Л. Нормаев, А. Чапчаев, Т. Юркова.

В 1925 г. в Центральном издательстве народов СССР в Москве был издан букварь Л. Нормаева "Сарул мор" ("Светлый путь"), который позже вошел в репринтное издание Монгольского общества Университета штата Индиана под редакцией проф. Д. Кара, вышедшее в серии "Монголоведные исследования". В этом сборнике были представлены памятники калмыцкой письменности, начиная с Зая Пандиты (1648), калмыцкие произведения на кириллице (1925-1928), и латинице (1930). В репринтное издание вошли: Букварь "Сарул мор" Л. Нормаева (1925), "Тоогин эсвэ" ("Учебник арифметики"), "Улан тег" ("Красная степь"); Книга для чтения 2-й группы 1-й ступени. Автор Косиев Х.; "Мана школ" ("Наша школа"). Книга для чтения. Автор Б. Цюрвеев. На латинице (М., 1930).

В 1930 г. учебники для школ издавались на латинском алфавите. В калмыцком книжном издательстве вышла книга Л.

Нормаева "Краткое пособие к изучению русского языка в калмыцких сельских школах 1-й ступени". Это издание представляет собой прообраз двуязычных словарей-разговорников, построенных по предметно-тематическому плану: человек, части тела, возраст, болезни человека, семья, родственные отношения; школа, столовая, пища; в доме, кухня, одежда, обувь, женская одежда, украшения; жилье, во дворе, домашние птицы, животные, дикие животные; время, названия месяцев, дни недели и т.д.

Заметный след – как работники народного образования, государственные и общественные деятели Калмыкии – оставили и другие выпускники Казанской инородческой учительской семинарии: Араши Чапчаев, Алексей Маслов, Константин Никитин, Александр Межуев-Самохин.

Одной из таких ярких личностей был Араши Чапчаевич Чапчаев (1890-1938), который в 1905 г. окончил учительский класс миссионерской школы-приюта в г. Астрахани. После двухлетней учительской работы А. Чапчаев в 1908 г. поступил в Казанскую инородческую учительскую семинарию.

Выпускник семинарии А. Чапчаев с 1912 г. по 1917 г. учительствовал в аймачных школах Калмыкии.

С 1917 г. вся деятельность А. Чапчаева связана с общественными и государственными мероприятиями по восстановлению, возрождению хозяйства автономной области Калмыкия. Эта его активная деятельность трагически оборвалась в 1938 г., в годы культа личности.

Известный общественный и государственный деятель Калмыкии Алексей Григорьевич Маслов тоже учился в Казанской учительской семинарии одновременно с К.Д. Никитиным.

Студенты А. Маслов и К. Никитин были участниками студенческих волнений в Казани, за что К. Никитина отчислили из семинарии.

В 1917 г. студент семинарии А. Маслов находился на летних каникулах в г. Астрахани, где посещал курсы по подготовке учителей калмыцких школ. В числе лекторов на учитель-

ских курсах работал востоковед Б.Я. Владимирцов, читавший лекции по истории монгольских племен.

На этих курсах выступил студент из Казани А. Маслов. За это выступление А. Маслов лишился стипендии Управления калмыцким народом. Не имея средств для продолжения учебы в Казани, А. Маслов вернулся в Калмыкию и поступил на работу в школу села Чилгир Ики-Цохуровского улуса.

К.Д. Никитин, однокашник А.Г. Маслова по учительской семинарии, отчисленный за участие в студенческих выступлениях, вернулся в Калмыкию. Он умер рано, в 1919 г., от тифа.

Другой выпускник Казанской инородческой учительской семинарии, Александр Петрович Межуев-Самохин, 1888 г. рождения, уроженец Ульдючинского аймака Манычского улуса, из крещеных калмыков, окончил двухклассную миссионерскую школу в г. Астрахани, затем двухгодичные миссионерские учительские курсы при Казанской духовной академии и – в 1909 г. – Казанскую учительскую семинарию.²³

В период учебы в г. Казани, в 1901-04 гг., А.П. Межуев-Самохин вел практические занятия по разговорному калмыцкому языку в КДА.²⁴ В 1911 г. А.П. Межуев-Самохин был вторично приглашен на должность практиканта калмыцкого языка в КДА.

В 1919 г. А.П. Межуев-Самохин работал заведующим Калмоблоно в г. Астрахани, затем – преподавателем Калмпедтехникума.

Таким образом, имена многих деятелей в области народного образования Калмыкии тесно связаны с Казанью, Казанской инородческой учительской семинарией, Казанской духовной академией. Учеба представителей нерусского населения в этих учебных заведениях была для них единственной возможностью получения образования.

¹ Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. Спб., 1905.

² Астраханские епархиальные ведомости. Астрахань, 1890.

-
- ³ НАРТ, ф. 10, д. 7896.
- ⁴ Там же, д. 8296.
- ⁵ ЦТИА, ф. 381, оп. 3, д. 13826. (По книге Шорковиц Д. Этноисторические документы по калмыкам... Берлин, 1988)
- ⁶ Бобровников Н.А. Калмыцкие издания православного миссионерского общества // ЖМНП, 1985, №10, с. 374-386.
- ⁷ ЦТИА, ф. 1291, оп. 85, д. 132. 1894-1897 (По Шорковицу...)
- ⁸ ЖМНП, 1895, № 10, с. 382
- ⁹ ЦТИА, ф. 1291, оп. 85 (По Шорковицу...)
- ¹⁰ Монголика-III. СПб., 1994, с. 17
- ¹¹ Ramstedt G.I. My Travels: 1898-1912. – Bloomington, 1978, p. 106.
- ¹² Монголика -III, с. 13.
- ¹³ Из истории движения за национальную школу в Калмыкии // Сб. документов и материалов. Элиста, 1967, док. № 52.
- ¹⁴ Ойратские известия. Астрахань, 1922, № 3-4, с. 118-122.
- ¹⁵ Из истории движения за национальную школу..., док. № 36.
- ¹⁶ Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Пг., 1915.
- ¹⁷ То же. Изд. 2-е. Прага, 1929.
- ¹⁸ ЦТИА, ф. 1291, оп. 84, д. 161. (По Шорковицу...)
- ¹⁹ НАРК, ф. Р-25, оп.1, л. 37.
- ²⁰ Там же, ф. Р-25, оп. 2, д. 16.
- ²¹ Там же, д. 32, л. 21.
- ²² Там же, оп. 1, д. 3, л. 176
- ²³ НАРТ, ф. 10, КДА, оп, 1, д. 11038
- ²⁴ Монголика -III, с. 17.

Валеев Р.М.
Кабинет министров РТ, Казань

О некоторых итогах и перспективах изучения истории российского востоковедения

Уважаемые председатель и коллеги!

В XIX-XX вв. востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер.

История отечественного востоковедения представляет собой самостоятельную область ориенталистики и составляющую истории культуры российского общества. Знания по истории российского востоковедения возникают одновременно с возникновением науки о Востоке. Возникновение и развитие актуального историко-научного направления - истории отечественного востоковедения – представляет собой важное научное и культурное событие.

Историография и источниковедение российского востоковедения развивалась на протяжении XIX-XX вв.

В XIX-первой половине XX вв. выявились основные вопросы изучения: биографии отечественных востоковедов, истории формирования и развития востоковедных дисциплин, учебных, научных учреждений и обществ, периодики и национальных гуманитарных школ.

Современная историография отечественного востоковедения выработала новые задачи и проблемы - формирование и развитие востоковедческих центров и школ, научных и куль-

турных воззрений ориенталистов, направлений и тематики российского востоковедения и др.

В периодизации изучения истории российского востоковедения XIX-XX вв. наиболее заметные следующие хронологические рубежи: середина XIX в., конец XIX - начало XX вв., вторая половина 1950-х - 1970-е гг. и 1980-1990-е гг.

На протяжении основных периодов формирования и развития востоковедения в России история образования и науки привлекла широкий круг исследователей и получила глубокое и многоаспектное исследование - введены в научный оборот многие оригинальные источники, изданы монографические труды, исследовательские статьи и материалы. Сегодня сформировались и развиваются научные подходы к изучению истории востоковедения в России и Европе, даны обобщающие оценки деятельности известных академических и университетских востоковедов и в целом представлена широкая картина развития российского востоковедения. Как известно, выдающиеся ученые-востоковеды оставили не только труды в той области знания, которую они разрабатывали, но и фундаментальные исследования развития научных отраслей и направлений ориенталистики - тюркологии, арабистики, индологии, китаеведения, иранистики, исламоведения и т.д.

Российское и советское востоковедение, его лучшие представители обращались к истокам и путям развития науки о Востоке, судьбам ориенталистов и их трудам. Эта ценная традиция особо заметна в деятельности известных исследователей: Аделунга, Дорна, Григорьева, Савельева, Булича, Веселовского, Бартольда, Крачковского, Ольденбурга, Крымского, Алексеева, Самойловича, Гордлевского, Кононова и других отечественных востоковедов. Работы отечественных востоковедов составляют основу дальнейшей работы по изучению истории российского востоковедения и его органической связи с европейскими и азиатскими научными центрами.

В историко-философских оценках двух выдающихся востоковедов России - С.Ф. Ольденбурга и В.В. Бартольда об-

раз востоковедения в России был сформулирован следующим образом: «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала», и успехи по изучению Востока «большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого».

Работы отечественных историков востоковедения решали задачу хронологической систематизации его зарождения и развития, описывали научные достижения ученых и развитие научных идей и проблем, освещали научную и преподавательскую деятельность востоковедов России и Европы. Современные статьи и работы концентрируют основное внимание на оригинальных, найденных в центральных и местных архивах, материалах о жизни и деятельности востоковедов, об истории научных учреждений и обществ и в целом неизвестных страницах российского востоковедения.

В то же время, менее всего воссоздан социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов и мало уделяется внимания анализу традиций и новаций в востоковедческих центрах России и СНГ, слабо исследована история научной или лженаучной ориентальной мысли. В перспективе, на мой взгляд, интересным представляется изучение внешних, социокультурных, политических и мировоззренческих факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о Востоке и судьбу ориенталиста в истории науки и культуры народов России. Также актуальным представляется применение в работах по истории отечественного востоковедения методик психологического и социологического анализа. Проблема изучения эволюции методов востоковедных исследований в России в XIX - XX вв. может стать в центре работ по истории отечественного востоковедения. К великому сожалению, мало научно-просветительских работ и изданий для школьников, которые бы популяризировали историю отечественного востоковедения.

Сегодня на огромном архивном и историографическом материале изданы известные всем академические труды, посвященные развитию отечественной ориенталистики от первых сведений в России о Востоке до начала этапа советского востоковедения в 1917 г. Справедливым, на наш взгляд, является мнение Л.Б. Алаева о продолжении углубленного изучения этапа советского востоковедения.

В целом представляется важным поддержка Обществом востоковедов РАН отечественных исследований по истории российского и европейского востоковедения и ряда мероприятий в России и СНГ.

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
Ю.С. Худяков, С.А. Комиссаров
ИАЭ СО РАН, Новосибирск**

Изучение археологии и истории Восточного Туркестана в Новосибирском научном центре^{*} (Библиографический обзор)

Восточный Туркестан (в основном соответствует Синьцзян-Уйгурскому автономному округу по современному административному делению КНР) благодаря своему географическому положению на протяжении многих столетий служил естественным связующим звеном между районами Центральной Азии и Южной Сибири, с одной стороны, и высокими цивилизациями Китая и Среднего Востока, с другой. Поэтому его древняя и средневековая история является объектом пристального внимания со стороны специалистов-сибириведов.

Большое внимание этому региону уделял основатель сибирской археологической школы, академик А.П. Окладников. При изучении неолита и бронзового века Прибайкалья он обратился к проблеме синьцзянского нефрита, внося заметный вклад в решение сложной историографической проблемы так называемого Великого нефритового пути. После открытия в начале века белонефритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность) А.С. Уваров и В.А. Городцов предположили их происхождение из окрестностей Кашгара как единственного известного в то время источ-

^{*} Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 99-01-00319

ника необходимого сырья. Однако после открытия прибайкальских месторождений белого нефрита В.А. Городцов пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал именно глазковскую культуру¹. А.П. Окладников, внимательно изучив имевший в его распоряжении материал (два изделия в коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР и материалы выставки ханьского искусства), пришел к однозначному выводу о том, что материал заметно отличается от прибайкальского по цвету (имеет сероватый оттенок); также отмечаются различия в обработке камня (разная техника сверления). Что же касается зеленого нефрита, то он предположил возможность его распространения из Прибайкалья в районы Центрального Китая, центра цивилизации Шан-Инь². Эта идея затем получила дальнейшее развитие в работах С.В. Киселева³. Внимание исследователя также привлекали некоторые средневековые памятники на территории Восточного Туркестана. Так, при описании архитектуры дворцовых зданий на бохайском городище близ г. Уссурийска А.П. Окладников обращался для сравнения к материалам росписей из Дуньхуана⁴.

Поэтому представляется вполне закономерным, что после создания гуманитарных подразделений в Новосибирском научном центре (ННЦ) и начала собственно востоковедных исследований⁵ восточно-туркестанская тематика становится в их составе одним из ведущих направлений.

Древнейшим культурам Синьцзяна посвящены публикации В.Е. Ларичева. Он обобщил материалы по палеолиту западных районов Синьцзяна, полученные в 1931 г. экспедицией под руководством П. Тейяр де Шардена и Ян Чжуцзяня⁶, а также исследовал особенности более поздних этапов каменного века региона (в частности, тенденцию к миниатюризации орудий) и сопоставил их с материалами сопредельных территорий⁷.

Средневековая тема была продолжена в работах А.Г. Малявкина, отличающихся высоким уровнем источниковедче-

ского анализа. В статьях и книгах, посвященных истории уйгурского народа⁸, он дает обзор развития политических событий на фоне тщательного комментария встречающихся имен, географических названий, титулатуры. Им также подготовлены сборники тематических переводов из средневековых китайских источников, посвященных географии и истории средневековых государств Восточного Туркестана. В основном в переводах представлены соответствующие главы и разделы из династических хроник: “Вэй шу”, “Цзю Тан шу”, “Синь Тан шу”, “Цзю Удай ши”, “Ляо ши”, “Цзинь ши”, “Сун ши”, а также извлечения из сводных трудов (“Цзычжи тунцзянь”), энциклопедий (“Цэфу юаньгуй”) и некоторых других сочинений⁹. Одна из последних работ А.Г. Малявкина посвящена периоду так называемого тибетского великодержавия. В ней изучена проблема взаимоотношений между Тибетом и империей Тан в аспекте их борьбы за контроль над Кашгарией, которой ранее не уделялось достойного внимания в мировой литературе¹⁰.

Столь же новаторскими стали работы Г.Г. Пикова, который впервые в отечественной историографии сопоставил все доступные мусульманские, монгольские и китайские источники¹¹ и на монографическом уровне исследовал политическую, экономическую, социальную и культурную историю государства западных киданей (Си Ляо), в том числе их взаимоотношения с племенами и княжествами Восточного Туркестана¹². В частности, он проследил, как под воздействием земледельческих культур туркестанских оазисов отдельные группы кочевых киданей “...постепенно переходили к более прогрессивным формам ведения хозяйства”¹³. Эти наблюдения представляются методологически значимыми для изучения взаимодействия кочевых и оседлых народов региона в целом.

Одной из организационных форм научного поиска по указанным вопросам стало проведение “Рериховских чтений” (начиная с 1976 г.), в рамках которых обсуждались итоги Центральноазиатской экспедиции под руководством Н.К. и Ю.Н. Рерихов, осуществлялась дальнейшая разработка поставленных

ими задач¹⁴. Важным достижением стало издание (под научной редакцией и с предисловием В.Е. Ларичева) дневников экспедиции, которые вел Ю.Н. Рерих¹⁵. В настоящее время данная проблематика продолжает разрабатываться В.И. Молодиным и О.В. Лазаревич¹⁶; последняя защитила диссертационную работу, где специальная глава посвящена исследованиям Рерихов в китайском Туркестане¹⁷.

Важным этапом в изучении Западного края стало участие в программе ЮНЕСКО "Шелковый путь". В рамках этой программы Ю.С. Худяков в 1990 г. осмотрел коллекции музеев в гг. Дуньхуан, Хами, Турфан, Куча, Корла, Урумчи, древние могильники Упу и Астана, городища Гаочан, Цзяохэ, Шорчук, Субаши, заставу Темин-Гуай, пещерные храмы Безеклик, Шорчук, Кызыл, Кызыл-Кая. В музейных собраниях городов в провинциях Ганьсу и Синьцзян были осмотрены и зарисованы предметы и памятники, относящиеся к различным историческим эпохам, в том числе вооружение, детали поясных и сбруйных наборов, украшения, бытовая утварь культур кочевников эпохи развитой и поздней бронзы, сакского, хуннского, древнетюркского и монгольского времени. Информация об археологических материалах и музейных коллекциях древних и средневековых кочевников Восточного Туркестана, представляющих большой интерес для специалистов по археологии Южной Сибири и Центральной Азии, в последующие годы вводилась в научный оборот в научных публикациях и докладах на конференциях¹⁸. Данные о средневековой торевтике Восточного Туркестана введены в научный оборот в 1990 г.¹⁹ В работах последующих лет были проанализированы материалы, относящиеся к древнетюркской культуре на территории Синьцзяна: каменные изваяния, находки предметов вооружения и поясной фурнитуры²⁰. Были выделены материалы, относящиеся к культуре кыргызов IX -X вв. на территории Восточного Туркестана²¹, рассмотрены находки монгольского времени в музеях Синьцзяна²². Основное внимание было уделено анализу предметов вооружения, относящихся к бронзовому и раннему

железному векам²³, хуннскому времени²⁴, культуре уйгуров и маньчжуров с территории Восточного Туркестана²⁵. Определенное внимание было уделено изучению памятников петроглифического и монументального искусства, рисункам воинов на петроглифах, оленных камням, средневековым каменным изваяниям, изображениям воинов на фресках²⁶.

Со второй половины 90-х гг. изучение древней и средневековой археологии Восточного Туркестана в ННЦ в основном осуществляется по грантам РГНФ. В 1997 - 1998 гг. был осуществлен проект "Контакты народов Южной Сибири и Восточного Туркестана по данным археологии и антропологии (неолит - ранний железный век)"²⁷, при этом логика исследования потребовала расширить хронологические рамки исследования и включить в него материалы по палеолиту. Следуя хронологическому принципу изложения, следует прежде всего упомянуть выявление среди сравнительно немногочисленных палеолитических артефактов заготовку нуклеуса леваллуазского облика, что позволяет заметно удревнить время появления человека в данном регионе. Типологический анализ верхнепалеолитического комплекса из Цзяохэ (серии концевых и боковых скребков) позволяет наметить возможные линии контактов с культурами Южной Сибири и Центральной Азии²⁸.

В целом завершено обобщение материалов афанасьевского времени, которые рассматриваются в общем контексте афанасьевской проблемы на всем обширном ареале распространения этой общности²⁹. Внимательное изучение материалов могильника Гумугоу позволило выразить сомнение в непосредственной принадлежности захоронений соответственно к афанасьевской и андроновской культурам³⁰. В то же время принадлежность ранних погребений могильника Кэрмуци вызвало дискуссию среди участников проекта. Если В.И. Молодин и С.В. Алкин пишут о находках на памятнике классической афанасьевской керамики, то А.В. Варенов пытается обосновать ее принадлежность к некой иной культуре, относящейся к эпохе развитой или даже поздней бронзы³¹. Согласно его

мнению, новая культура эпохи бронзы (с погребениями в больших каменных ящиках и с каменными сосудами в качестве одного из массовых видов инвентаря), имеет определенные аналогии как в Южной Сибири, так и - в большей степени - с культурой на границе Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии (памятники типа Наньшаньгэнь M101 - Сяохэйшигоу)³². Также впервые в составе могильника Кэрмуци выделен скифосакский компонент³³. Изучены также некоторые важнейшие элементы материальной культуры древности (бронзовые ножи, кинжалы, зеркала), игравшие в ней особую роль. Выяснилось, в частности, весьма вероятное синьцзянское происхождение круглых бронзовых зеркал без ручки и участие в их распространении в Китае "северных" народов³⁴.

При изучении петроглифов на основе новых полевых материалов выявлено несколько культурных пластов, в рамках которых прослеживаются наиболее тесные связи создателей культур Южной Сибири, Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана. Разработанная схема и южносибирские аналогии позволили внести коррективы в хронологию некоторых важных наскальных композиций в горах Тянь-Шаня³⁵. Материал по памятникам пещерной живописи в китайской части Монгольского Алтая (датированный, по мнению автора, эпохой позднего неолита или ранней бронзы) был использован для критики палеолитической датировки аналогичных памятников на территории Монголии³⁶. Однако данная точка зрения вызывает аргументированные возражения со стороны ведущих специалистов³⁷. Удалось дополнить и исправить список из 37 оленных камней, найденных в Синьцзяне: два объекта добавлено (они были переоформлены под тюркские изваяния и потому оставались неопознанными китайскими археологами), а один, оказавшийся стелой с рисунками эпохи бронзы, - изъят³⁸.

Антропологические исследования подтвердили наличие значительного палеоевропеоидного элемента в составе населения Синьцзяна эпохи ранней бронзы и за счет этого - значительную близость по морфологическим особенностям к кра-

ниологической серии из афанасьевских курганов на юго-востоке Горного Алтая (плато Укок). В эпоху раннего железа в антропологическом субстрате населения Синьцзяна (по крайней мере, некоторых групп) прослеживается генетическая близость к основным расовым компонентам, принявшим участие в формировании скифо-сакского населения Западной Монголии, Алтае-Саянских гор и Казахстана³⁹. Изучение фактов искусственной перфорации и деформации на черепах из могильников Синьцзяна периода поздней бронзы - раннего железа позволило говорить не только о военных травмах и медицинских трепанациях, но и о ритуальном нарушении черепных костей. Это дало возможность поставить вопрос о перфорации как о культурно значимом признаке, который прослеживается в более поздних краниологических сериях из Монголии и Южной Сибири⁴⁰. Помимо антропологических материалов в качестве источника привлекаются и лингвистические данные⁴¹.

Для того, чтобы конкретные исследования вписывались в общее направление научного поиска на территории Восточного Туркестана, начата работа по историографическому описанию накопленных материалов и выдвинутых концепций, при этом наибольшее внимание, естественно, уделяется взглядам китайских ученых⁴².

Начиная с 1998 г., был заявлен и поддержан РГНФ новый проект: "Кочевые цивилизации Восточного Туркестана (Синьцзяна) в древности и средневековье". Своеобразные природно-климатические условия Восточного Туркестана, где в рамках одного региона соседствовали различные экологические ниши, способствовали его активному освоению как оседлыми земледельческими, так и кочевыми цивилизациями. Само понятие "кочевые цивилизации" относится к числу дискуссионных. Уникальность условий этно-культурного развития Восточного Туркестана позволяет подробно изучить составляющие компоненты указанного термина и доказать его принципиальную применимость. Дело в том, что на протяжении обширной эпохи, начиная с раннего железного века и вплоть

до развитого средневековья, на территории Восточного Туркестана существовали племенные и государственные образования кочевников, относившихся к различным этнолингвистическим и даже расовым группам. Европеоидные индо-иранцы (саки, усуни, юэчжи), с одной стороны, и монголоидные тибетцы (в том числе прото-тибетские цяны), разные объединения тюрко-язычных (кыргызы, огузы, уйгуры) и монголо-язычных (сяньбэйцы, джунгары) народов, с другой стороны, - все они оставили значительный след в истории Западного края, запечатленный как в письменных, так и в археологических памятниках. Их сравнительное изучение дает возможность выделить не только национально-специфические, но и общекультурные факторы, и тем самым существенно уточнить сам термин “кочевые цивилизации”⁴³.

Расширение тематики научного поиска, постановка новых исследовательских проблем стали возможными благодаря налаживанию прочных рабочих связей и постоянному обмену публикациями со специалистами Института археологии и памятников материальной культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района; директор Института, профессор Идирис Абдурасул вошел в состав международной редколлегии журнала “Проблемы археологии, этнографии и антропологии Евразии”, который издается в Новосибирске на русском и английском языках. Установлены также прямые контакты с Институтом Центральной Азии Синьцзянского университета (г. Урумчи). Предполагается, что следующий этап в изучении восточно-туркестанской проблематики в ИИЦ будет связан с проведением совместных исследований с китайскими коллегами и осуществлением международных программ.

¹ В. Городцов. Бронзовый век на территории СССР // Большая Советская Энциклопедия. - М., 1927. - Т. 7. - С. 624-625.

² А.П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.-Л., 1953. - Ч. III. Глазковское время. (МИА, № 43). - С. 176-180.

- ³ С.В. Киселев. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии (МИА, № 130). - М., 1965. - С.52-53. Подробнее см.: С.А. Комиссаров. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Материалы конф. "Евразия: культурное наследие древних цивилизаций" (в печати).
- ⁴ А.П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. - Владивосток, 1959. - С.195, 204.
- ⁵ См.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Е. Ларичев, Ю.С. Худяков, С.А. Комиссаров. Востоковедение в Новосибирском научном центре // Бюллетень Общества востоковедов. - М., 1998. - № 1.
- ⁶ В.Е. Ларичев. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. - Новосибирск, 1976. - С.142-145.
- ⁷ В.Е. Ларичев. Микролитическая культура в Китае: проблемы ее истоков, особенностей эволюции и направлений миграций // Китай в эпоху древности. - Новосибирск, 1990.
- ⁸ А.Г. Малявкин. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Изв. СО АН СССР. - 1972. - Сер. обществен. наук. Вып 1; Он же. Уйгуры и Китай в 840 - 848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975; Он же. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1980; Он же. Уйгурские государства в IX - XII вв. - Новосибирск, 1983; Он же. Вожди древних уйгуров // Проблемы реконструкции в этнографии. - Новосибирск, 1984.
- ⁹ А.Г. Малявкин. Материалы по истории уйгуров в IX - XII вв. - Новосибирск, 1974; Он же. Историческая география Центральной Азии. - Новосибирск, 1981; Он же. Танские хроники о государствах Центральной Азии: (Тексты и исследования). - Новосибирск, 1989.
- ¹⁰ А.Г. Малявкин. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию - Новосибирск, 1992.
- ¹¹ См.: Г.Г. Пиков. Китайские и монгольские письменные источники по истории западных киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. - М., 1985.
- ¹² Г.Г. Пиков. Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо // Изв. СО АН СССР. - 1979. - Сер. обществен. наук. Вып. I; Он же. Буддизм в государстве киданей // Изв. СО АН СССР. - 1980. - Сер. обществен. наук. Вып. I; Он же. Организация военного дела в государстве каракиданей // Изв. СО АН СССР. - 1983. - Сер. обществен. наук. Вып. I; Он же. Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных об-

- ществ Востока. - М., 1985. - Ч. I; Он же. Западные кидани. - Новосибирск, 1989.
- ¹³ Г.Г. Пиков. Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1980. - С.129.
- ¹⁴ См., напр.: Ю.С. Худяков. Ю.Н. Рерих и изучение военного дела "тохаров" Восточного Туркестана // Рериховские чтения: 1979 год. - Новосибирск, 1980; С.А. Комиссаров. Ю.Н. Рерих и проблема тибетского "звериного стиля" // Рериховские чтения: 1984 год. - Новосибирск, 1985; и др.
- ¹⁵ Ю.Н. Рерих. По тропам Срединной Азии. - Хабаровск, 1982. Рецензию В.В. Евсюкова, С.А. Комиссарова на данную книгу см.: Народы Азии и Африки. - 1985. - № 6.
- ¹⁶ В.И. Молодин, О.В. Лазаревич. Археологическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924-28 гг. // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 111-116; В.И. Молодин, О.В. Лазаревич. Этнографическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924-28 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. III. Новосибирск, 1997. С. 437-440.
- ¹⁷ О.В. Лазаревич. Археология в жизни и творчестве Н.К. Рериха: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Новосибирск, 1999.
- ¹⁸ Ю.С. Худяков. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту "Шелковый путь" на территории КНР // Изв. СО АН СССР. - 1991. - Сер. истории, филологии, философии. Вып. 1; Он же. По "Шелковому пути": археологические коллекции в музеях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяна // 21 -я науч. конф. "Общество и государство в Китае". - М., 1991. - Ч. III; Он же. Распространение древнетюркской культуры в Восточном Туркестане (по материалам экспедиции ЮНЕСКО по Шелковому пути на территории КНР в 1990 г. // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1991.
- ¹⁹ Ю.С. Худяков. Средневековая тюревтика Восточного Туркестана // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. - Омск, 1990.
- ²⁰ Ю.С. Худяков. Памятники культуры древних тюрков в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. - Бишкек, 1995; Он же. Древнетюркские пояса из Восточного Туркестана // 4-е исторические чтения па-

- мяти М.П. Грязнова. - Омск, 1997; Он же. Материалы древнетюркской культуры из Восточного Туркестана // Источники по истории Республики Алтай. - Горно-Алтайск, 1997; Он же. Материалы древнетюркской культуры из музеев Восточного Туркестана // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998. - Т. 1; Он же. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. - СПб., 1998.
- ²¹ Ю.С. Худяков. Кыргызы в Восточном Туркестане // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991; Он же. Комплекс находок из Вашиса - памятник кыргызской культуры в Восточном Туркестане // Изв. АН Республики Кыргызстан. Общественные науки - 1992. - № 1; Он же. Кыргызы в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. - Бишкек, 1996.
- ²² Ю.С. Худяков. Предметы вооружения монгольского времени в музеях Синьцзяна // Цыбиковские чтения. - Улан-Удэ, 1993; Он же. Предметы вооружения и сбруи монгольского времени из музеев Восточного Туркестана // Altaica. - 1994. - № 4;
- ²³ Ю.С. Худяков. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.
- ²⁴ Ю.С. Худяков. Материалы хуннского времени из музеев Восточного Туркестана // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. - Горно-Алтайск, 1994; Он же. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // 100 лет гуннской археологии. - Улан-Удэ, 1996. - Ч. 1; Он же. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1999. - № 4.
- ²⁵ Ю.С. Худяков. Вооружение турфанских уйгуров // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995; Он же. Предметы маньчжурского вооружения в музеях Ганьсу и Синьцзяна // Традиционная культура Востока Азии. - Благовещенск, 1995.
- ²⁶ Ю.С. Худяков. Изображение воинов на петроглифах Синьцзяна // Древнее искусство Азии: Петроглифы. - Кемерово, 1995; Он же. Изображение воинов на петроглифах Синьцзяна // Изв. лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1995. - № 1.
- ²⁷ Обоснование темы см.: С.А. Комиссаров, С.В. Алкин, Н.В. Полосьмак, Д.В. Черемисин, Т.А. Чикишева. Синьцзян в археологической перспективе

- // Социально-экономическая структура древних обществ Западной Сибири. - Барнаул, 1997.
- ²⁸ А.П. Деревянко, С.А. Комиссаров. К проблеме синьцзянского палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1997. - Т. III.
- ²⁹ С.В. Алкин. Могильник эпохи бронзы в Синьцзяне // Природа. - 1987. - № 12; В.И. Молодин, С.В. Алкин. Памятники афанасьевского времени в Восточном Туркестане // Обзорные полевые и лабораторные исследования археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока: 1994 - 1997 (в печати).
- ³⁰ В.И. Молодин, С.В. Алкин. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. - Новосибирск, 1997.
- ³¹ А.В. Варенов. "Афанасьевские" древности из Северного Синьцзяна и их алтайские аналоги // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1998. - Вып. IX.
- ³² А.В. Варенов. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. - 1998. - № 3; Он же. Новая культура эпохи бронзы из Северного Синьцзяна // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1999. - Вып. X; Он же. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. - Горно-Алтайск. - 1999. - № 4.
- ³³ А.В. Варенов. О скифо-сакском компоненте в могильнике Кэрмуци // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. - Новосибирск, 1997; Он же. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999.
- ³⁴ С.А. Комиссаров. Бронзовое зеркало с узором из Восточного Туркестана (Синьцзян) // Междунар. конф. по первобытному искусству. - Кемерово, 1998; Он же. О ранних бронзовых зеркалах, найденных на территории Восточного Туркестана // V Рериховские чтения (в печати).
- ³⁵ В.О. Опалев, Д.В. Черемисин. К изучению наскального искусства Синьцзяна // Материалы XXXVI междунар. науч. студенческой конф. "Студент и научно-технический прогресс". - Новосибирск, 1998; Д.В. Черемисин. Опыт интерпретации наскальной композиции из Кандзяньшимэньцзы (Синьцзян) // Междунар. конф. по первобытному искусству. - Кемерово, 1998; Д.В. Черемисин, О.В. Борисова. Изображения колесниц в петроглифах Синьцзяна и Внутренней Монголии // Материалы XXXVII междунар. науч. студенческой конф. "Студент и научно-технический прогресс". - Новосибирск, 1999.

- ³⁶ А.В. Варенов. Пещерное искусство в китайской части Монгольского Алтая // Междунар. конф. по первобытному искусству. - Кемерово, 1998.
- ³⁷ В.И. Молодин, Д.В. Черемисин. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. - Новосибирск, 1999. - С.132-133.
- ³⁸ А.В. Варенов. Оленные камни Восточного Туркестана // Междунар. конф. по первобытному искусству. - Кемерово, 1998.
- ³⁹ См.: Т.А. Чикишева. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до начала нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998.
- ⁴⁰ С.А. Комиссаров, Е.Г. Шпакова. Искусственные изменения и повреждения черепов из краниологической серии могильника Чаухугоу-4 (Синьцзян) // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998.
- ⁴¹ В.О. Опалев. Об особенностях ранних индоевропейско-китайских контактов // Материалы XXXVII междунар. науч. студенческой конф. "Студент и научно-технический прогресс". - Новосибирск, 1999.
- ⁴² С.А. Комиссаров, В.О. Опалев. Об оценке российских научных экспедиций в Восточный Туркестан конца XIX - начала XX вв. в китайской историографии // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. - Новосибирск, 1997; С.А. Комиссаров. Культуры бронзового века Восточного Туркестана // Там же; О.В. Солодских, С.А. Комиссаров. Первый китайский исследователь Восточного Туркестана // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток, 1998.
- ⁴³ Подробнее обоснование темы см.: Ю.С. Худяков, С.А. Комиссаров. Кочевые цивилизации Восточного Туркестана в евразийском аспекте (к постановке проблемы) // Материалы Междунар. конф. "Выпускники НГУ и научно-технический прогресс" - Новосибирск, 1999. - Ч. 2.

Россия и ислам: взаимодействие культур.

Исторически Россия - не только и Европа, и Азия, но также некий синтез, новое качество, рожденное слиянием европейского и азиатского начал. О ее географической открытости Востоку и сходстве ее равнин с "просторами Азии", об исторических и природных связях Древней Руси и практически неотделимой от нее Великой степи, о тесном взаимодействии этносоциальных процессов у восточных славян и их соседей на юге и востоке, особенно - тюркоязычных кочевников, писали все ведущие русские историки.¹ Указанное взаимодействие нередко приводило к взаимной ассимиляции и адаптации, в связи с чем заслуживает внимания замечание известного ученого князя Н.С. Трубецкого о том, что "сожитительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю".² Более того, по мнению другого выдающегося русского историка Георгия Вернадского, общение русских с тюрками, принявшими ислам в период Золотой Орды, привело "к изменению традиционной системы правления и управления", к "новой концепции государства и общества".³

Ислам пришел на Русь с юга. В 654 г. арабы заняли Дербент и стали обращать в ислам окрестных жителей. По мере продвижения на север они столкнулись с хазарами. В 737 г. побежденный арабами каган Хазарии вынужден был принять ислам. И хотя в 799-809 гг. официальной религией каганата стал иудаизм, многие хазары так и остались мусульманами.

Именно в хазарских землях древние русичи, в VIII-X вв. часто воевавшие с хазарами и платившие им дань, впервые столкнулись с мусульманами-хазарами, а также - арабами, торговавшими тогда практически со всем миром. Первый арабский географ, перс Ибн Хордадбех (820-890), писал о "славянских купцах ар-Рус", которые возили товары из самых дальних краев своей земли к Черному и Каспийскому морю, выплачивая десятину хазарскому правителю.⁴

Третьим мусульманским народом, с которым у Древней Руси был длительный контакт, стали волжско-камские булгары, принявшие в 921 г. ислам и покровительство багдадского халифа. Из описания Ахмеда Ибн Фадлана, секретаря посольства халифа в Булгарию в 921-922 гг., ясно, что в Булгарию жили, кроме самих булгар, также хазары, гуззы (огузы), русы и представители других народов, главным образом тюркских и финно-угорских. Многие из них уже тогда были мусульманами, хотя Ибн Фадлан сетовал на их "нетвердость в вере".⁵ В 958 г. Киевская Русь столкнулась с камскими булгарами во время похода в Булгарию князя Владимира. В дальнейшем стычки чередовались с мирными взаимоотношениями. В частности, в 987 г. послы от булгар были первыми в Киеве проповедниками ислама, узнав, что князь решил сменить религию. И хотя князь Владимир отказался принять ислам, известно, что он этого не исключал и для ознакомления с исламом даже направил своих посланцев в Хорезм, где четверо из них стали мусульманами.⁶

По мнению Василия Бартольда, мир ислама IX-X вв. "был гораздо теснее связан с Россией и Византией, чем с Западной Европой".⁷ И хотя печенеги, кыпчаки, татары обычно принимали ислам уже после того, как вступали в соприкосновение с Русью, последующая историческая традиция нередко придавала этим контактам характер отношений между христианством и исламом.

В основном через Булгарию Русь поддерживала торговые связи и с Хорезмом. После обращения булгар в ислам и исла-

мизации большей части жителей Хазарии эти связи стали еще интенсивнее. Столица Булгарии к началу XIII в. стала каменным городом с населением в 50 тыс. человек и развитым кожевенным производством, которое впоследствии унаследовали русские. Булгарские сапоги были предметом экспорта и на Русь, и в Хорезм, а булгарские купцы выступали посредниками в торговле между Русью и мусульманскими купцами не только Хорезма, но также Ирана, Багдада и других областей Халифата. Впоследствии русские купцы с помощью булгар освоили путь по Хвалынскому (Каспийскому) морю в Хорезм.

Татаро-монгольское завоевание в 1237-1240 гг. включило Русь в необъятное государство потомков Чингис-хана, объединившего 4/6 Старого Света, а после его скорого распада - в Золотую Орду. Историки до сих пор расходятся в оценке значения этого рубежа в истории России. Например, Бартольд считал, что последствия прихода монголов на Русь "были менее тяжелыми уже потому, что завоевание не сопровождалось переселением завоевателей" и что "эпоха их владычества не была связана, как владычество германцев в Европе, с возвращением от денежного хозяйства к натуральному, от городской жизни к сельской". Более того, в истории "всех завоеванных монголами стран - в Китае, мусульманском мире и России - после XIII в. замечается больше политической устойчивости, чем раньше". К тому же, еще до прихода монголов Русь была в какой-то мере подготовлена к контактам со степняками почти двумя веками сосуществования и взаимодействия с кочевниками-кыпчаками.⁸

Обмен культурными ценностями и караванная торговля между разными уголками Монгольской державы - от Руси и Ближнего Востока до Китая и Юго-Восточной Азии - получили такое развитие, какого не было ни до этого, ни после. Лев Гумилев во многом прав, указывая на особое положение Руси внутри Орды, на ее относительную, но все же самостоятельность. И если Трубецкой считает, что "Московское государство возникло благодаря татарскому игу", то Гумилев весь период

1200-1380 гг. определяет как время возникновения "нового этноса - русских - на основе слияния славян, татар, литовцев, финно-угорских народов".⁹

Особо интенсивное развитие экономических, политических, военных и человеческих связей Руси и Золотой Орды наблюдалось после принятия ордынцами ислама. Первый хан-мусульманин Берке вступил на престол уже через 16 лет после завоевания Руси, а в 1312 г. ислам окончательно восторжествовал при хане Узбеке. Но при нем же участились и "отъезды" на Русь многих знатных ордынцев, ставших потом родоначальниками ряда семейств русской аристократии, так как русские князья, будучи вассалами хана, обязаны были предоставлять всем Чингисидам земли и долю выплачивавшейся хану дани. Ордынские корни имели царь Иван Грозный (от матери Елены Глинской, предком которой был Мамай), царь Борис Годунов (потомок мурзы Четы, пришедшего на службу к Ивану Калите), многие другие русские князья и бояре. К XVII в. около 17% русской аристократии (156 из 915 семейств) были потомками выходцев из Орды. Еще значительнее этот процент был среди среднего и низшего дворянства, так как беки и мурзы обычно переселялись на Русь вместе со своими близкими людьми, слугами и воинами. В ряде губерний России к XVIII в. большинство местных дворян составили потомки крещеных татар, среди которых более 100 человек носили княжеские титулы.¹⁰

Ордынское правление, по словам Георгия Вернадского, "не могло не отразиться на всей политической и экономической структуре России и оставило много несмываемых следов в русской жизни, которые были очевидны долгое время после ее освобождения". Сходство порядков в Орде и на Руси было столь значительным, что еще в "Задонщине" - русской повести XV в. - Русь называлась "Залесской Ордой". Разорение большинства городов Руси во время монгольского завоевания повлекло за собой упадок национальных ремесел и торговли ввиду гибели значительной части горожан или переезда (в том

числе - по принуждению) многих мастеров в Орду. Русские ремесла стали возрождаться лишь в XV в., причем - под влиянием почти 200 лет господствовавших ордынских образцов. Впрочем, сами эти образцы были созданы руками мастеров, в основном вывезенных монголами из завоеванных стран, в том числе - из Руси. Торговлю еще при первом хане-мусульмане Берке (1256-1267) на всей территории Орды, включая подчиненную ей Русь, монополизировали хорезмийские купцы. Русское купечество возродилось в основном в XIV в., на первых порах - в качестве младшего партнера мусульманских купцов Сарая, Астрахани и Сурожа (Судака) в Крыму. Исключение составил лишь Новгород Великий, избежавший разорения и сохранивший купечество домонгольского периода, успешно продолжавшее торговлю с Западной Европой.¹¹

Повсеместно либо под страхом ханских репрессий, либо - под предлогом борьбы с ними, были ликвидированы вече и должности выборных лиц от горожан эпохи Киевской Руси. Князья, подавляя восстания горожан совместно с ханами и эмирами, подражали им, добиваясь полновластия. Ханский ярлык защищал это полновластие и от претензий горожан, и от оппозиции бояр. Приспосабливаясь к мерам ордынской власти, к делению ее населения на "тьмы", "тысячи" "сотни" и "десятки" с целью получения налогов, мобилизации до 10% населения на военную службу, князья использовали их в своих интересах, приучая подданных к беспрекословному повиновению и подчинению. Родственные (брачные) связи князей с ордынской знатью, а также существенное пополнение русской аристократии выходцами из Орды в XIV-XV вв., во многом облегчали внедрение ордынской практики в политическую культуру Руси, ранее строившуюся во многом также на полувосточных правилах византийских традиций. Но если до монголов на Руси наблюдалось, по мнению Г.В. Вернадского, "сочетание монархического, аристократического и демократического правления", то с приходом монголов сохранился и укрепился лишь монархический принцип, причем - в самой авторитарной форме:

появилась смертная казнь (крайне редкая в Киевской Руси), пытки, такие слова (и их конкретные воплощения) как "кандалы", "кабала", "нагайка". Под влиянием ордынцев вводились небывалые ранее жестокие наказания в соответствии с новыми правовыми нормами (в Двинской грамоте 1397 г., "Судебнике" 1497 г.). То, что многое из этого вводилось уже после распада Золотой Орды, Г.В. Вернадский назвал "эффектом отложенного действия", благодаря которому "прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось после освобождения Руси".¹²

Кроме того, политическая независимость (полностью обретенная Москвой, кстати, только при Иване Грозном) вовсе не означала разрыва хозяйственных, культурных и человеческих связей. Тем более, что из Орды и постордынских государств (Крымского, Астраханского, Казанского ханств) заимствовались не только военная техника, доспехи, вооружение, методы ведения войны, но и способы управления, обращения знати ("белой кости") с простым народом ("черной костью"), определяемые этим понятия о справедливости. Хотя считалось, что ханы формально не вмешивались в судебные функции князей и церкви, на Руси даже мелкого чиновника, творившего суд и расправу, вплоть до XVI-XVII вв., называли "ярыга" (от монгольского "яргу" - судья). Русские князья использовали введенную завоевателями торгово-конную службу "ям" (отсюда - "ямщик"), систему сбора дани (после первых 60 лет господства Золотой Орды баскаки стали только наблюдать за княжескими "данщиками"), "избыток" которой оставляли себе. Они чеканили монету (только с именем хана до падения Тохтамыша, после него - с именами хана и князя одновременно), собирали таможенные пошлины (от "тамга" - печать, клеймо по-тюркски). По ордынскому образцу была учреждена казна (от арабского "хизана") во главе с казначеем (от тюркского "хазнаджи" или "хазначи").

У ордынцев заимствована была и организация армии из пяти частей большого полка (в центре), полков правой и левой

руки, передового и сторожевого. От названий "онг коль" (правая рука) и "сон коль" (левая рука) возникли в дальнейшем должности при княжеском (а потом - и царском) дворе - "окольничий" и "сокольничий". Были восприняты от Орды система всеобщей воинской повинности, вооружение и оснащение, включая пушки, захваченные русскими впервые в 1376 г. при взятии города Булгар. Был заимствован дипломатический этикет, в частности - запрет послам быть при оружии, обязательность подарков, забота о послах и опека над ними. От ордынцев усвоен был обычай "бить челом" (т.е. кланяться до земли), выбирать невесту правителя путем смотрин, сыпать деньгами при коронации. О разнообразии влияния Орды на русскую жизнь свидетельствуют и многие взятые из нее термины: в военном деле - атаман, кремль (крепость), кинжал, кобура; в финансах - алтын, барыш, деньга; в торговле - амбар, аршин, базар, бакалея, балаган, балчуг (рыбный рынок), батман, караван, лабаз, майдан (площадь), маклак (посредник), магарыч (угощение); в костюме - архалук, атлас, башлык, башмак, бешмет, бязь, кайма, кисет, кошель, кумач, сафьян; в ювелирном деле - алмаз, бирюза, жемчуг; в скотоводстве - аркан, каракуль, кибитка, отара. Немало и других заимствований (например, кабак, каланча, калитка) можно отнести к этому же ряду.¹³

В XVI в. почти все постордынские государства, за исключением Крымского ханства, были присоединены к Московской Руси. Завоеванные земли были довольно быстро освоены русскими, несмотря на враждебность местных жителей и нередко - гибель от их руки. Обычно пришельцы селились вокруг быстро возводившихся монастырей и крепостей, получая освобождение от налогов на 10 лет. 60 тыс. русских пленников вернулась на родину только из Казанского ханства, но немалое их число осталось жить среди татар и чувашей. При этом некоторые из них принимали ислам и попытки церкви вернуть их в православие обычно были безуспешны. Присоединению ханств к Москве в то же время сильно помогла интеграция в состав

правлящего класса Руси мусульманских феодалов, причем нередко - при сохранении их принадлежности к исламу, как это было не только в Касимове, но и в Юрьеве, где правили родственники астраханских ханов, или в Романове, где "кормились" ногайские князья. Предводительствуемая ими легкая конница вплоть до XX в. была эффективной частью русской армии.

Восприятие некоторых обычаев степных ханов (например, назначение "младшего" соправителя) облегчало внедрение татарской знати в русскую аристократию. Таким соправителем был казанский царевич Худайкул (при крещении - Петр Ибрагимович) при Василии III, касимовский хан Саин-Булат (Симеон Бекбулатович) - при Иване Грозном, а Борис Годунов (потомок мурзы Четы) - при Федоре Иоанновиче. При Иване Грозном на тронных приемах выносились три короны - московская, казанская и астраханская. В 1600 г. касимовские цари, среди которых были потомки ханов Казани, Астрахани, Крыма и Сибири, были уравнены в правах с высшими иерархами русской церкви и жившими на Руси православными царевичами Грузии.¹⁴

Политическая и иная культура Казанского ханства, господствовавшая в Касимове, Астрахани, Сибири и русских городах, управлявшихся «служилыми царевичами», во многом повлияла на жизнь Московского государства. Боярская дума во многом имитировала ханский диван (совет), а сами бояре, ранее считавшиеся просто «слугами» государя, стали с XV в. подражать татарским «карачи» (членам дивана) и, подобно им, интересовались своей родословной, соперничали из-за места поближе к государю и т.п. Царский двор заимствовал у ханского должностного «дядьки» (аталык) и молочных братьев государя (имильдаш). По образцу военной прослойки «огланов» (т.е. «сыновей» карачи) возникло и на Руси сословие «детей боярских». Курултай Казани (духовенство, огланы и мурзы) в Москве называли «вся земля Казанская» и по его принципу формировали свои земские соборы, состоявшие из «власти» (духовенства), «синклита» (боярской думы) и «воинства». Многие

мурзы (от персидского «эмир-заде», т.е. сын князя) уходили «на службу» в Москву еще до падения Казани (только в 1545 г. ушло в Москву 75 мурз и карачи). Еще больше уходило огланов, пополнявших московскую конницу (впоследствии они дали название уланам, как одному из формирований кавалерии). У Казанского ханства была Москвою во многом заимствована система податного обложения, у Крымского ханства - тип стрелецкого войска (они там назывались «туфанкчи» - ружейники).

В XVI в. отмечалось значительное влияние (позже уменьшившееся) Казанского ханства на быт и архитектуру Руси. Повсеместно было распространено ношение татарской одежды, что даже специальным решением осудил Стоглавый собор 1551 г. У Казани были заимствованы обычай затворничества знатных боярышень в теремах, шатровые или восьмигранные колокольни с площадками (служившими у мусульман для призыва к молитве - азана), луковичные главки, заменившие шлемовидные верха церквей, изразцы зеленого и желтого цвета, к которым русские зодчие добавили красный цвет кирпича. Своего рода «казанский стиль» свойственен собору Василия Блаженного в Москве, церквям и многим постройкам в Новгороде (немало новгородцев и псковичей было переселено Иваном IV в Казань), Дьякове, Коломенском.

Взаимодействие и взаимовлияние русского, татарского и других мусульманских народов шло, тем не менее, очень трудно и противоречиво. Многие татарские феодалы прорусской ориентации сохранили свои владения, крепостных и рабов, образовали особое сословие «служилых татар» во главе с беками и мурзами, освобождались от налогов, приравнивались к русским служилым людям, получали поместья и награды, должности при царском дворе. Беки и хан-задэ (т.е. князья и царевицы) всегда сидели на почетных местах при приеме царем послов из стран ислама. Вместе с тем в боярскую думу их не допускали и даже в командовании мусульманскими подразделениями русской армии их обычно дублировали русские вое-

начальники («татарские головы»). Большинство татарских феодалов либо было лишено своих земель и прав, либо переселено в русские области. Только при подавлении восстания 1557-1558 гг. было перебито до 1,5 тыс. беков и мурз. При царе Федоре Иоанновиче началось массовое разрушение мечетей, и были подорваны позиции алпаутов (татарских помещиков), от которых получили право уходить и их крепостные рабы, принявшие православие. В 1628 г. запрет алпаутам иметь крепостных-православных поощрил их христианизацию и переход в купечество большинства остальных. Меры по насильственному крещению толкали многих мусульман на участие в восстаниях, в том числе - в движениях Разина и Пугачева. Однако имущие слои («белая кость»), как правило, были на стороне царских властей. Исключение составил лишь Крым, присоединенный к России в 1783 г., но лишенный значительной части своих жителей-мусульман, переселившихся в Турцию. В Крыму их доля уже в середине XIX в. не превышала 37%. Впрочем, в войнах и 1812 г., и 1853-1856 гг. на стороне России сражались несколько полков крымских татар.¹⁵

Завоевание Россией Крыма, Кавказа и Центральной Азии было вызвано, с одной стороны, процессом национального возрождения России после 250 лет ордынского владычества и стремлением, в этой связи, сокрушить наследников Золотой Орды, а с другой стороны – стремлением использовать имперские традиции, методы господства и геополитические претензии Золотой Орды для контроля над исторически сложившимся пространством Евразии от Сибири до Карпат. Разумеется, экспансия России вызвала сопротивление Османской империи и Ирана, претендовавших на контроль над мусульманскими соседями России, а также - западных держав, опасавшихся усиления России. Поэтому любой шаг русских на Юг и восток сопровождался войнами и трагедиями, такими, как почти полувековая война 1817-1864 гг. с горцами Северного Кавказа, которая, помимо всех прочих потерь и разрушений, вызвала массовую эмиграцию в Османскую империю до 2 млн. адыгов,

чеченцев, аварцев и других кавказских мусульман.¹⁶ В Центральной Азии Россия пыталась избежать войны «по-кавказски», используя, в частности, культурно-просветительскую, экономическую и посредническую роль мусульман Поволжья, издавна связанных с Бухарой, Кокандом и Хивой. Этому способствовал и отказ Екатерины II от политики «христианизации» мусульман, проводившейся казанским епископом Лукой Коношевичем. Указ 1773 г. в основном устранил дискриминацию ислама. Создание муфтията в Уфе в 1789 г. положило начало последующей организации духовных управлений мусульман в России. Одновременно в 1783-1784 гг. татарская знать получила права русского дворянства. К концу XIX в. среди мусульман свыше 8 тыс. чел. имели потомственное дворянство, свыше 500 чел. - личное дворянство, свыше 2 тыс. чел. - купеческое звание.¹⁷

Присоединение к России мусульманских областей, наряду с негативными аспектами грубого военно-бюрократического насилия, имело и позитивные стороны - прекращение феодальных междоусобиц, ликвидацию рабства, подъем и обновление экономики, культуры, образования, здравоохранения. Начали строиться фабрики, шоссейные и железные дороги, шахты, заводы по переработке нефти и другого сырья, ирригационные каналы, способствовавшие развитию традиционного садоводства и хлопководства. Параллельно шел процесс взаимопонимания культур России и ислама, усиления контактов и взаимопонимания между ними, преодоления барьеров, создававшихся грубым колонизаторством царизма, фанатизмом, нетерпимостью, непониманием и отсутствием доброй воли у той и другой сторон.

Процесс сближения шел трудно. На него влияли самые разные обстоятельства - от разрешения с 1800 г. печатать в России без ограничений мусульманскую религиозную литературу и создания научных центров по изучению ислама и культуры мусульман (прежде всего - Азиатского музея в Санкт-Петербурге в 1818 г.) до обращения к Корану и вообще ислам-

ской тематике выдающихся русских писателей и философов - Г. Державина, А. Пушкина, М. Лермонтова, П. Чаадаева, Л. Толстого, В. Соловьева, наконец - Ивана Бунина, путешествовавшего по странам ислама с Кораном в руках. В российской культуре XIX-XX вв. сложилась прочная основа восприятия культуры, философии, особенностей религии и психологии мусульман. Среди мусульманской интеллигенции появились интеллектуалы, знакомые и со своей национальной, и с русской культурой. Наиболее видные из них - Мирза Фатали Ахундов, Мирза Мухаммед Али Казем-Бек, Чокан Валиханов - выступали за дружбу и солидарность с Россией. Прямым следствием модернизации мусульманского общества явилось движение джадидов (либералов-обновленцев), выступавших за реформы в сфере культуры, образования и религии. Впоследствии они были вовлечены в политическую жизнь России.

Виднейший лидер джадидов России, крымско-татарский просветитель и публицист Исмаил-бей Гаспринский (Гаспра-лы) писал, что «для мусульманских народов русская культура более близка, чем западная». В книге «Русское мусульманство» он еще у 1881 г. выступал за сближение русских и мусульман, считая их «детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества». Называя Россию «единственной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоём», он пришел после 6 лет своего пребывания в Европе и на Востоке к выводу о том, что русские относятся к мусульманам более «гуманно и чистосердечно», чем западные европейцы. Одновременно он доказал бесполезность и вредность насильственной ассимиляции, считая, что знание России, ее культуры и законов придет к мусульманам через широкое развитие образования на тюркском языке, что и послужит основой для «сближения нравственного на почве равенства, свободы и образования». Эту концепцию он потом отстаивал всю жизнь и в прессе, и в многочисленных лекциях и выступлениях как в России, так и за рубежом. В брошюре «Русско-восточное соглашение» (Бахчисарай, 1896 г.) он как бы подслушал акту-

альные споры наших дней. Его мнение чрезвычайно любопытно, тем более, что разные авторы его называли «модернистом», «западником» и «либералом», но также - «первым идеологом пантюркизма».¹⁸

Исмаил-бей полагал, что «Востоку нечего ждать добра от Запада» и что «сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, выставлять ее истребителем и беспощадным врагом западной культуры - прямой расчет европейцев». Он довольно точно предсказал дальнейший ход событий: «Грابتь экономически весь Восток, держась на дружеской ноге, и ослаблять Россию периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными друзьями - вот политика, от которой Запад во всяком случае ничего не теряет». Пророческим предостережением звучат сегодня слова Исмаил-бея, сказанные 100 лет назад: «Западу выгодно и он доволен, если в России и на Востоке находятся исторические, географические и теологические мотивы к взаимной вражде и недоверию. Но не будет ли лучше поискать в этой же истории и географии мотивов к взаимности и согласию?» Осуждая «грубые неуместные затеи» российских ассимиляторов, он одновременно подчеркивал, что долгие века «жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют» и «слава богу, добрые отношения не поколеблены». Констатируя отсутствие между ними «недоброжелательности, враждебности, обидчивости», он считал это следствием «общей печали, общего горя и общей нужды русской и мусульманской массы». «Их свела - писал он в 1905 г. - в одно общее великая равнина - родина, простирающаяся от подножий Алтая и Памира до болот Балтийского моря ... Сравните эпосы и народные думы, русские и тюркотатарские, и вы увидите, что на разных языках эти два народа излагают одно и то же горе, одни и те же жалобы и печали, и это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трех головах в виде тягот, неправды и невежества».¹⁹

Исмаил Гаспринский скончался в 1914 г., не дожив до первой мировой войны, похоронившей многие его надежды. Но это вовсе не значило, что его мечты о межрелигиозной гармонии, об исключении насилия из жизни людей и о ее совершенствовании путем просвещения, образования и взаимного уважения были беспочвенны. Они были созвучны идеям Льва Толстого и других великих философов-гуманистов. Влияние Гаспринского испытали почти все видные общественные и политические деятели мусульман России самого разного направления, от Гайяза Исхаки и Резаутдина Фахретдинова до Мирсаида Султан-Галиева и Вели Ибраимова.

Тяжкий опыт XX в. убедительно показал, что политике русско-мусульманского согласия, завещанной Гаспринским, нет альтернативы. Грубое централизаторство, не считающееся с национальными интересами и правами народов, их неповторимой самобытностью, так же несостоятельно, как и ставка на разрыв и разрушение издавна сложившихся между народами жизненно важных связей. В основе этих связей - география, история, экономика, политика, тысячелетний контакт культур, сцементированных долгим взаимодействием и взаимовлиянием, взаимопознанием и взаимопониманием в процессе совместной жизни.

¹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992, с. 4; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. I, с. 61.

² Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993, с. 59.

³ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997, с. 22, 84.

⁴ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986, с. 124.

⁵ Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996, с. 12-47.

⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989, т. I, с. 147-148; Садур В.Г. Мусульмане в СССР. История и современность // На пути к свободе совести. М., 1989, с. 418.

⁷ Бартольд В.В. Ислам и культура мусульманства. М., 1992, с. 133.

⁸ Там же, с. 92-93; Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций, с. 75.

-
- ⁹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992, с. 132-135; Трубецкой Н.С. Указ. соч., с. 72-73.
- ¹⁰ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1993, с. 12-27; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 1997, с. 378; Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991, с. 71, 179-187, 233-250.
- ¹¹ Вернадский Г.В. Указ. соч., с. 347-348, 350-351; Вернадский Г.В. Русская история, с. 82; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 531.
- ¹² Вернадский Г.В. Монголы и Русь, с. 340-342, 363-365; Вернадский Г.В. Русская история, с. 51; Пайс Р. Россия при старом режиме. М., 1993, с. 82.
- ¹³ Вернадский Г.В. Монголы и Русь, с. 365-367, 390-394; Газиз Г. История татар. М., 1994, с. 42; Трубецкой Н.С. Указ. соч., с. 72-73; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991, с. 22-28, 240-241.
- ¹⁴ Газиз Г. Указ. соч., с. 113-115; Соловьев С.М. Указ. соч., кн. III; с. 552, 565, 596, 605; Худяков М.Г. Указ. соч., с. 214-216.
- ¹⁵ Андреев А.Р. История Крыма. М., 1997, с. 196-204; Газиз Г. Указ. соч., с. 126-138; 165-174; Худяков М.Г. Указ. соч., с. 192-195, 200, 237-240.
- ¹⁶ Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971, с. 171-172; «Родина», 1994, № 3-4, с. 18-52, 64-134.
- ¹⁷ Бартольд В.В. Указ. соч., с. 104; Газиз Г. Указ. соч., с. 145-148; Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997, с. 84-101.
- ¹⁸ Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы). Из наследия. Симферополь, 1991, с. 25-27, 55-56; Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. L'Islam en Union Soviétique. P., 1968, p. 46.
- ¹⁹ Османов Ю.Б. Исмаил Гаспринский о русско-турецких отношениях и проблеме евразийства // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996, с. 243.

**Литература магрибинцев во Франции:
продолжение диалога культур
Востока и Запада**

Новое явление в мировом литературном процессе — творчество бёров, представителей второго поколения магрибинских иммигрантов во Франции, свидетельствует о непрекращающемся процессе исторического взаимодействия культур стран Средиземноморья и о возникновении нового типа художественного сознания, отмеченного чертами «метисности» и «маргинальности» как признаками современного присутствия Востока на Западе.

Этимологически — «Запад» для Арабского «Востока»; зонально — Северо-Запад для всего Африканского континента; Юго-Запад — для Средиземноморского бассейна в целом; Восток — для континента Американского, как и метонимически — для Европы, являясь частью арабского мира; Юг европейской «протяженности» (узость Гибралтарского пролива позволяет почти плавный переход Пиренейского полуострова в северное Марокко), обеспечивший значительное количество европейских поселенцев со времени римских захватов и колониальных завоеваний, Магриб как конгломерат географических признаков определен изначальной порубежностью, стыковым присутствием в разных мирах (конфессиональных в том числе), что само по себе как бы «обрекает» эту часть Африканского континента на роль связующего звена, «моста» в диалоге культур.

Достаточно красноречивая магрибинская география с точки зрения пространственного, внешнего расположения этого региона земли дополняется особой совокупностью и внутренних признаков, сочетающих порой, казалось бы, несовместимые, противоречивые начала. Разнородные природные «слагаемые»; разные этносы, разные языки, разные конфессии, разные уклады жизни; контрасты социальной «топографии» — от древних поселений горных племен и станов кочевников Сахары до крупных индустриальных мегаполисов — все это свидетельства разности потенциалов магрибинской земли, создающих особые предпосылки для ее многосторонних культурных ориентаций.

Географическая, этническая, лингвистическая, социальная, политическая «многоликость» Магриба, специфическая одновременность существования разных начал сформировали особенность магрибинского менталитета, «открытость» магрибинской сущности, ее «поливалентность», тяготение к различным культурным истокам и органичность их усвоения в рамках как общемагрибинской, так и отдельно алжирской, марокканской, тунисской и ливийской культуры (или литературы, в частности). Возможно, именно разность географических начал предопределила такого рода художественную «проницаемость» или способность магрибинцев к ассимиляции разнородного и даже «чужого». Но та же «проницаемость» повлияла и на интенсивность притяжения к Магрибу чужеземцев, которые с древнейших времен пытались освоить эту землю, — от римлян и финикийцев до арабов, турок, испанцев, французов и немцев. Таким образом, география, история, политика, схлестнувшись на магрибинской земле как нераздельные элементы формировавшейся сущности, определили, в свою очередь, значительную степень присутствия Магриба в средиземноморской культуре в дальнейшем.

Географический фактор повлек за собой появление таких компонентов «магрибинства», которые сыграли историческую роль в формировании и эволюции литературного процес-

са в Европе в эпоху Арабского завоевания Испании¹. Андалусийская цивилизация, просуществовавшая почти восемь столетий как особая этническая, конфессиональная и культурная общность, имела огромное значение, дав миру высокие образцы синтеза художественной, научной и философской мысли Востока и Запада. Но Магриб и сам стал особой культурной и литературной зоной в эпоху военного и политического проникновения Европы в Северную Африку, когда, например, лишь в результате утверждения французского колониализма в странах с давно сложившейся письменной арабской традицией (Алжир, Марокко, Тунис) возникла особая литература новейшего типа на языке европейском (французском), став и особой междокультурной общностью, и особой подсистемой в системе национальных литератур этих стран, но одновременно и новым видом франкоязычной словесности в целом².

Изначальное переплетение географии, истории и политики как факторов магрибинского присутствия в средиземноморском культурном ареале в XX в. дополняется и экономическим компонентом, повлиявшим на эмиграционный процесс, когда с начала 90-х годов из Магриба начали уезжать на заработки в Европу тысячи арабов и берберов. Процессы миграции интенсифицировались во время Алжирской войны (1954–1962) и усугубились, начиная с середины 50-х годов, после обретения магрибинскими странами независимости. Активизация экономической эмиграции в сочетании с эмиграцией по политическим причинам в последние десятилетия, и особенно в 90-е годы, в связи с наступлением исламского фундаментализма, привела к тому, что в настоящее время только во Франции живет несколько миллионов магрибинцев. Многие из них — представители второго и даже третьего поколений иммигрантов, так называемые *бёры* — «французские» арабы и берберы, считающие Францию своей родиной. Это обстоятельство, парадоксальным образом напоминающие французское «присутствие» в Северной Африке в эпоху колонизации, когда рожденные там «магрибинские» французы (*пье-нуар*) считали себя

«коренным» населением наряду с арабами и берберами, породило новую социопсихологическую ситуацию, влияющую на характер литературы магрибинцев, использующих французский язык в качестве художественного выражения уже не как когда-то благоприобретенный в особых исторических условиях, но как почти родной. На бурно развивающуюся сегодня литературу бёров как новое явление в ансамбле средиземноморских культур влияют очевидные и неизбежные в конце XX в. процессы взаимовлияния и метисизации культур: мусульманское население Европы, в отличие от эпохи аль-Андалуса, став «особым» слоем, отмеченным чертами «изгойства», порождает особый тип художественного сознания. С трудом преодолевающего, а порой и утверждающего свою маргинальность, но так или иначе переживающего свою «окраинность» в пространстве культуры европейской.

На этом фоне, однако, нельзя не отметить тенденций противоположных, которые также наблюдаются в творчестве магрибинцев последнего десятилетия. В произведениях такого рода все настойчивее начинает звучать мысль о том, что новое поколение живущих на земле людей постепенно свыкнется с мыслью о равной своей принадлежности разным мирам — Востоку и Западу, Северу и Югу.

Примером подобного мироощущения может служить роман знаменитого алжирского писателя М. Диба «Инфанта мавра» (1994)³. В этом произведении созрел в лучах света надежды новый художественный образ в литературе магрибинцев, образ человека, который преодолел свою извечно тяготившую экзистенциальную чуждость всему и вся и ощутил Свободу как потребность быть в единой семье всего человечества. Так художественное сознание на исходе XX в. запечатлело неизбежный процесс рождения в споре разных миров общей для всех Истины, дарующей счастье ощущения единства всего на земле сущего.

Соблазн остановиться на образе Инфанта как «надежды на завтра» тех, в чьей судьбе и сознании уже совместились

Восток и Запад, и поставить точку — велик. Возможно, что этот персонаж М. Диба и есть прообраз будущего мира, и в гениальном чутье художника-романиста и поэта, как и в страстном желании его соотечественницы, певицы и писательницы Джюры⁴ уже видеть этот мир, слились живые приметы Будущего. Но именно в Настоящем живет не одно, а несколько поколений тех, для кого Запад, Франция, — родина, хотя они — дети магрибинцев. Самосознание бёров далеко и от радужных надежд Джюры на «сезон нарциссов», и от предчувствования героини произведения М. Диба возможности совмещения «горячих песков» Востока и «мраморного снега» Запада. Оно, это самосознание бёров, на мой взгляд, в целом трагично, хотя несомненно, что именно в этом трагизме и заключена боль рождения Нового мира, свершения, сотворения какого-то абсолютно нового его качества, которое, возможно, и станет неким «евро-африканством».

Но сегодня, говоря об обширной уже литературе бёров (их поэзии, прозе, драматургии), нельзя не отметить, что это — явление специфическое и для литературы магрибинской диаспоры, и для литературы на французском языке в целом. Её «особость» — в настойчивых поисках самоидентификации, обостренном самоощущении писателей в границах своей географической родины, порой настойчивое и даже навязчивое их желание признания себя европейцами и почти в той же мере упорная самодифференциация (своих этнических, исторических корней, связанных с нехарактерными для европейцев обычаями и традициями), постоянные перебросы художественного сознания (и объекта творчества) с Запада на Восток, с которым не утрачена «кровная связь», не разрушен мост (семейные связи позволяют многим бёрам проводить часть времени на земле родителей). Все эти черты данной литературы свидетельствуют о некоей ее маргинальности как по отношению к Востоку, так и по отношению к Западу, что приводит самих писателей к горечи констатации своей «ничейности»: ни география (Запад), ни история (Восток) — не вполне родное,

не вполне «свое», как и не вполне «чужое», хотя не вполне признающее их, бёров, своими «настоящими» детьми.

Отсюда — порой столь характерное в книгах бёров, почти невротическое утверждение «я — с Запада!» (например, в произведении Малики Вагнер «Северный вокзал»⁵) и столь же, порой почти навязчивый, ориенталистский «орнаментализм» — стилизация под фольклор, сказочная тематика (например, в романах Муссы Лебкири «Звезда, попавшая в глаз моего брата»⁶ или Арриза Тамзы «Луна и Ориан»⁷).

Этими причинами объясняются и попытки бёров как-то связать западно-восточные основы и самоопределиться в пространстве двух миров, их своеобразного «порубежья» как грани, отделившей «богатство» Запада от «нищеты» Востока, и характерное для писателей сознание «окраинности», «предметности» (*Littérature de fauborg*), что запечатлено в огромном количестве произведений бёров, написанных на специфической арабо-французской языковой смеси, полной жаргонизмов эмигрантской (магрибинской) среды⁸, пронизанных каким-то тревожным ветром, пропитанных атмосферой «темных закоулков» жизни, ее «окраины», «зоны», где царит ощущение ничейной принадлежности (*de nulle part*)⁹. И это ощущение выброшенности, изгойства, невостребованности, еще не состоявшегося вставания и второго поколения иммигрантов в землю чужбины их предков, конечно, определено пока еще очевидной невозможностью (как политической, так и социальной, психологической) полной самоидентификации бёров ни с Западом, ни с Востоком¹⁰.

Произведения Муссы Лебкири, Мехди Шарефа («Чай в гареме Архи Ахмеда»¹¹), Акли Таджера («Беспаспортные пассажиры “Тассилии”»¹²), Азуза Бегага («Парнишка из зоны»¹³), Мехди Лаллаули («Бёры с берегов Сены»¹⁴), Мунси («Свадьба безумцев», «Пепел городов»¹⁵) и многих других — яркие свидетельства такой культурной и социальной маргинальности, психологической «окраинности», политической «отграниченности».

Отсюда и тема сопротивления в литературе бёров, попытки преодоления своей маргинальности, отличной, конечно, от той, которая характеризует литературу франкоязычных магрибинцев, рожденную на стыке двух эпох — колониальной и независимости¹⁶. Сегодня бёры не столько доказывают свою «эстетическую полноценность», свое естественное право на западный способ самовыражения (на языке французском), сколько желают своей равнопринадлежности и Западу, и Востоку и в то же время показывают свою культуру, свою литературу как явление «выламывающееся» и из «чистого» Запада, и из «чистого» Востока, отстаивающее собственное достоинство, свое право равенства, несмотря на природную разность, со всеми в окружающем их мире. И это право быть и жить полноценно на той земле, в том «многоцветном» обществе, где они родились, завоевывается практически всеми героями произведений бёров, но в прямой форме, пожалуй, наиболее четко формулируется в повести Мехди Лаллауи «Бёры с берегов Сены», в романе Азуза Бегага «Бени или частный рай»¹⁷ и в повести Тассидит Имаш «Простая девчонка»¹⁸.

Однако и констатация своей «окраинности» и протест против своей «маргинальности» (последствия франко-алжирской войны проявляются и по сей день во вспышках — довольно ярких и бурных — расизма и шовинизма в отношении всех магрибинцев) не могут не обусловить как появление в книгах бёров интонаций горьких, граней сознания «несчастливого», так и «самозащитных», некоей амальгамы безликости, налета усталости, безысходной печали или, наоборот, «бесчувственной» созерцательности, погружения в болезненную усталость души (особо характерную для эпох смутных, переходных, безвременья), а порой и в полную безнадежность. Герои и героини таких книг бёров или глубоко страдают в теснине жизни, не видя света (как, например, в произведении Зулики Букорт «Истерзанная плоть»¹⁹), или рано гибнут, не успев даже встретить рассвет жизни, но успев встретиться с гнетом несвободы, несправедливости, познать боль окружающей нелюбви.

Не удивительно, что у такого еще вполне молодого явления в культурном пространстве и Запада, и Востока, каким является литература бёров, герои художественных произведений обычно очень молоды; удивляет обилие ушедших из жизни, погибших, задавленных, убитых, покончивших самоубийством персонажей (например, в повестях Ж. Л. Ясина «Отупение»²⁰; А. Калуза «На 190-м километре», «Факт черной хроники», «Урок отсутствия»²¹; Насера Кеттана «Улыбка Браима»²²; Ахмеда Зитуни «Вдова и повесившийся»²³ и др.).

Казалось бы, подобные настроения, характерные во многом для очередного *fin de siècle*, его «упаднические» интонации в известной мере сближают или даже манифестируют срастание подобного рода произведений с западной литературной традицией, хотя очевидно и другое: новые «цветы зла» — порождение скорее «каменных джунглей», чем внутреннего разлада художников с окружающим миром; и внешние признаки безысходности, ощущение тупика жизни, не столько свидетельства безнадежности, смирения со злом, сколько боль рождения, смешанная с болью констатации неприятия еще только занимающегося «нового дня», еще подернутого мглой «сумеречного рассвета»²⁴ явления жизни, отмеченного неудобной, смущающей, не всегда радующей «метисностью».

В этой «метисности» — не обнадеживающий «сплав» Востока и Запада, как в «Инфанте» М. Диба, и не решительно приветствуемое и утверждаемое право безраздельной принадлежности двум цивилизациям, как это происходит с оптимистически настроенной Джюрой, но восприятие «метисности» как процесса, при котором человек становится чужим и тому и другому миру, одновременно неся в себе «корни» и того, и другого.

Это, с моей точки зрения, новая грань в экзистенциальной концепции «чуждости», метафизического «изгнанничества» человека и новая грань темы «чужбинности» в самой магрибинской литературе: бёры особо, по-своему, воспринимают «чужбину» своего существования, она для них — не холодная,

чужая земля, а злая родина. И в противовес тем произведениям магрибинцев, где, особенно на заре рождения франкоязычного творчество североафриканцев, в 50-х годах XX в., Запад предстаёт землей обетованной, с которой связывались надежды на обретение идеалов свободы, равенства и братства, в книгах бёров Запад — холодный Дом. Иллюзии скорее рождаются туманным образом «Отчизны предков», но и там они чаще всего разбиваются в прах гнетом религиозной догмы и средневековых традиций (как в произведениях Феруджи Кессас²⁵, А. Калуза²⁶, Саккины Букеденны²⁷ и др.).

По-новому звучит в произведениях бёров и одна из основных тем в литературе магрибинцев — Алжирская война за независимость. В традиции писателей-предшественников она чаще всего сопряжена с мотивом освобождения, завоевания свободы от оков не только колониализма, но и своего прошлого; с мотивом непокоренности, восстания против любых форм рабства. В книгах бёров война чаще вспоминается (по рассказам родителей) как начало новой несвободы, нового исхода людей с родины на Запад, новой утраты идеалов, нового обмана, но вместе с тем и обретения нового взгляда на «правду» и «виновность», а потому герой такой литературы чаще всего не борец с колониализмом, не повстанец, не *муджахид* как жертва «священной войны», а жертва нищеты, отсталости, невежества, для которой враг — тот, кто не избавляет от голода, но преследует и убивает за попытку избавить свою семью от голодной смерти. Поэтому *харки* (алжирский солдат во французской армии) в произведениях бёров — не «предатель», а тот же мученик, жертва всеобщего обмана и насилия, достойный не вечной мести, а жалости и сострадания (Мехди Шареф «Харки — Муж Мирием»²⁸, Али Саад «Дороги Ильджа»²⁹ и др.).

По-новому предстает у бёров и Запад, его литературный «пейзаж»: не как обычный для магрибинцев сумрачный «приют», печальный, серый фон несбывшихся надежд и мечтаний (они не искали их здесь, а родились здесь), поэтому этот «пейзаж» не чужероден, он как бы слит с героями произведений,

является органическим элементом не только географии их существования, но и состояния души, которое они называют *in-tramuros* как образ внутренней замкнутости в круге неравенства, в «стенах» отверженности, как обреченность на психологическое отторжение окружающей средой, для которой они, несмотря ни на что, остаются «пришельцами» (Камель Земури «Вторгшийся в чужой сад»³⁰, Раис Мустафа «Метания в каменном мешке»³¹ и др.). Не случайно еще в начале 50-х годов марокканский писатель Дрис Шрайби зафиксировал в романе «Козлы» не только французскую «номинацию» североафриканских эмигрантов, их презрительную кличку «*Boucs*», но и ее немецкий «заменитель» — «*Raus*», частенько употребляемый французами, в котором недвусмысленно звучит «приглашение убираться вон», ибо с ними, «чужими», постоянными возбудителями некоего «универсального страха», связано никогда не исчезающее подозрение, недоверие или просто презрение. Судя по прочитанной в 1994 г. алжирским писателем Рашидом Буджедрой публичной лекции в Париже на тему «*Le mepris de l'Autre*», это «презрение к Чужому», к «Другому», не похожему на всех, остается актуальным и по сей день (североафриканцев, по сообщениям газет и радио, все еще продолжают убивать, сбрасывать в Сену, дискриминировать, не пуская в «престижные» кинотеатры и клубы³² и т. д.), а значит, мотив, порожденный гнетом социальных, конфессиональных и прочих предрассудков, усиленный контекстом противостояния на Ближнем Востоке, не может не звучать на страницах книг писателей, живущих на острие этих проблем. Именно как *intrus*, как «вторгшийся» в чужое пространство, как метафорическая «тканевая несовместимость» предстает герой многих произведений бёров представителей слоя современного населения Франции, самоощущение чуждости которого не менее очевидно, чем отторжение их Другим, *L'Autre*; и чувство своей «несовместимости» становится тем более острым, тем более горьким, чем яснее осознание своей «метисности», своего объективного приращения к двум мирам. Поэтому по-новому звучит

в творчестве бёров также давняя тема магрибинской литературы — тема «бунтарства», «повстанчества», и она не похожа ни на камюзианский «бунт» как извечную обреченность человека на несмирение со Злом, ни на восстание героя — борца против конкретного зла — колониализма, физического или духовного рабства. Это — «бунт» за признание своей равности с «Другим», хотя и при осознании своей разности с ним.

Джюре, написавшей автобиографическую повесть «Покрывало молчания»³³, было проще: она, зная и даже подчеркивая свою *différence* и требуя уважения ее права на эту *différence*, сама и выбирает (она приехала во Францию учиться из родной Кабилии), и принимает Запад таким, каков он есть, любя его «лучшие стороны», надеясь на «взаимность» и «понимание». Но писательница умеет одновременно ощущать у себя под ногами и свою родную, магрибинскую почву, тоже надеясь на обещание ее «весенних всходов».

У бёров этой земли, рождающей «нарциссы надежды», изначально не было, — той сказочной страны Детства, о которой вспоминает Джюра, страны, окруженной высокими и неприступными горами и открывавшимся на горизонте простором манящего вдаль моря. В их детстве, на их территории, в их «зоне» (*la châbâ* на их иммигрантском жаргоне) были лишь черные трубы заводских окраин, затянутое дымом небо, мусорные свалки и зашитые цементом задворки безликих бетонных бараков. Их защищала с самого начала жизни только надежда на свою способность выжить, вырваться из круга нищеты и обреченности. Подавление же этой способности (особенно у девушек) как способ самосохранения (прежде всего религиозного) было делом Семьи, напоминавшей о Традиции, о Мести Предков и Племени. И трудный процесс обретения своего «я», защиты его не всегда сопровождался музыкой надежды, а чаще всего напряжением тишины, в которой концентрировались и страх, и неуверенность, и бессилие, в которой ощущалась прежде всего дистанция окружающего мира.

Можно было, конечно, «утопить» этот страх и безверие в грустной иронии или попытаться уйти в «вечные» заботы бытия и создать нечто похожее на экзистенциальные вариации темы жизни как «счастливой смерти» (романы Исаада Рамдана «Пегас», «Дай только время», «Головокружение в районе площади Аббатис»³⁴ и др.). Однако преимущественное звучание произведений бёров 80–90-х годов, литературы еще совсем молодой, — это звучание минорное, и рассвет этой литературы скорее похож на «Смутные сумерки» у Ш. Бодлера.

В этой печали — и боль рождения Нового, и горечь наследия Прошлого, и неопределенность, а порой и жестокость Настоящего. Услышать все это сразу, ощутить Горький привкус состояния «ниоткуда» (*nulle part*), оторванности от всего при связи со всем (и Востоком и Западом), смятенность души, этот *le mal de soi* (как «зло» или «боль» своего «я») позволяет, на мой взгляд, творчество одной из самых талантливых представительниц поколения бёров — молодого прозаика Нины Бурауи.

Выражение *le mal de soi* — «боль самоощущения» — принадлежит именно этой писательнице. Оно — из ее романа «Танец мурэн»³⁵, а дебютировала Н. Бурауи (и сразу же получила премию «Интеркниги» в 1991 г.) романом «Запрещенно подсматривающая»³⁶. В нем была воссоздана картина жизни без света, процесс исчезновения человека, насильственного выдавливания его из этого «света»; «запрещения» ему видеть свет, погружения человека во мрак, в могильную закрытость «пустоты», в бессмысленность «окаменелости» религиозных запретов. А потому все означенное в романе — как однозначность неприятия, отвержения означаемого: Восток для Бурауи — место смерти, безвыходность, тупик Истории. но где же тогда дверь в другой мир? И, может быть, солнце встает на Западе?

Но странное дело: молодой прозаик, нарисовавший в своем первом романе картину жизни как картину смерти, продолжив поиск *le vrai* — настоящего, истинного, напишет свою

следующую книгу — роман «Мертвый кулак»³⁷ — как картину смерти, которая стала жизнью героини. Живущая на кладбище и вспоминающая о своем детстве как медленной смерти среди людей, юная героиня «Мертвого кулака» мечтает поскорее уйти из жизни, забыть о мире зла, частью которого она стала и сама.

Этот же мотив — ранней смерти — и в романе Бурауи «Танец мурэн» (1996 г.), где особо остро и болезненно звучит тема невозможности для бёров стать единым целым с окружающим их пространством жизни. Можно, наверное, обратившись к образу названия, прочесть роман в контексте вечно зеленеющих «цветов зла». Но я читаю Нину Бурауи в контексте литературы бёров, в контексте окружающего их мира, где живут такие, как герой романа, страдающие создания его, несущие на себе вечную печать отвержения, печать прошлого, в котором пронеслась война миров — колониальная, война Востока и Запада, страшная Алжирская война, где смешалась и кровь победителей, и кровь побежденных, считавших землю Алжира своей. Бёры — внуки этой войны миров, — и Франция до сих пор не простила потомкам колониального Сопротивления трагедии своего исхода из Северной Африки. Бёры также глубоко переживают трагедию своего рождения во все еще хранящей для них свою чуждость стране, трагедию наследия эпохи, связавшей кругом вражды и ненависти людей, которые должны быть объединены любовью к одной, общей для всех, Земле. Не зная любви своей родины, так и живут они здесь, но не как «частицы» ее, не как participants, а как ее изначальная «пыль», которую разносят по земле холодный мистраль их отчаяния и жаркое сирокко их надежды.

Самосознание бёров чем-то напоминает драматические искания старшего поколения магрибинских литераторов (40–60-х годов) — те же мучительные попытки культурной самоидентификации. Только теперь постоянное вопрошание детей французских «окраин» «Кто мы?» (ведь иммигрантская среда,

откуда вышли писатели-бёры, в основном располагается в пространстве нищеты) характеризуется некоторой агрессивностью самоутверждения бёров на западной литературной сцене, защищающих свое право на некий «гибридный» язык, далекий от литературного, полный смеси французского аргю с арабизмами (активно проникающими в разговорный язык французских школ — в том числе и Университетов, где сегодня учатся все вместе, все огромное многоцветье этносов, населяющих современную Францию).

Бёры пока «кипят», бросаясь из одной крайности в другую, страстно ища свои корни на земле предков, то проклиная ее, отбросившую, выбросившую на чужбину их родителей, то благословляя Запад, позволивший избавиться от груза средневековых догм и традиций, то беспощадно обнажая его собственные язвы, не позволяющие детям окраин «очиститься» до конца от «коросты» изгоев, людей второго сорта, отброшенных на обочину жизни обыкновенным расизмом. Бёры пишут много, они, так же как и их далекие предшественники (если можно провести такого рода типологическую аналогию с противоположным знаком) — писатели-европейцы, выросшие в колониях, — снова со знанием дела изображают жизнь и быт своего общества, только описывают мусульманскую иммигрантскую среду во Франции, быт и нравы окраин, чаяния и помыслы своей «зоны» — именно так называют они свое пространство существования. В произведениях писателей-бёров — особенно много теперь среди них женщин, сбросивших «покрывало молчания», — запечатлен новый этап эволюции этнических и культурных процессов стран Средиземноморья, происходящих сегодня как следствие политических и экономических причин. Можно даже говорить о новых магрибинских «сдвигах» в культуре Средиземноморья, ибо в какие национальные рамки сегодня способно вписаться такое кентаврическое явление, как бёры с их литературой «бетонных джунглей»? Они — и с Запада, но они — и с Востока, им об этом не дают забыть, заставляя жить сразу в двух измерениях. Психоло-

логически это трудно, но с точки зрения будущего, — это уже состоявшийся своеобразный исторический эксперимент культурной взаимодополнительности, пересеченности, особое продолжение в настоящем того, возникшего еще в колониальную эпоху, «столкновения» цивилизаций, конфликта миров, в котором, как написала в романе «Любовь и фантазия» (1990) алжирская писательница Ассия Джебар, родились особые побег: плоды и ненависти, и любви, а может быть, и доказательства невозможности жить друг без друга этим берегам, разьединенным (или объединенным) одним морем. На примере этой, пока еще не очень сильной, но уже яркой темы в книгах «французских» магрибинцев, постепенно, с трудом, но пробивающейся, как «музыка во льду», начинает звучать мелодия веры в то, что новое поколение живущих на земле людей рано или поздно, но свыкнется с мыслью о равной своей принадлежности к Востоку и Западу, Северу и Югу, что мир — един и что лежащее среди разных земель — одно море — Méditerranée — и есть пространство Надежды, которое и объединит все человечество...

¹ Об особой роли этого периода истории и культуры Европы см., например: Р.Г. Ланда. В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993.

² Подробно о нем см.: С. В. Прожогина. Рубеж эпох — рубеж культур. М., 1984; и др.

³ M. Dib. L'infante maure. P., 1994.

⁴ См., например: La saison des narcisses. P., 1993.

⁵ M. Wagner. Terminus nord. P., 1992.

⁶ M. Lebkiti. Une étoile dans l'oeil de mon frère. P., 1989.

⁷ A. Tamza. Lune et Orian. P., 1987.

⁸ См., например: M. Lebkiti. Bouz 'louf... tête de mouton. P., 1991.

⁹ L. Houari. Zeida de nulle part. P., 1993.

¹⁰ Smain. Sur la vie de ma mère. P., 1990.

¹¹ M. Charef. Le The au harem d'Archich Ahmed. P., 1983.

¹² A. Tadjer. Les A.N.I. du «Tassili». P., 1984.

¹³ A. Begag. Le gène du Chaaba P., 1986.

¹⁴ M. Lallaoui. Les Beurs de la Seine P., 1986.

¹⁵ Mounsi. La noce des fous. P., 1990; idem La cendre des villes. P., 1993.

-
- ¹⁶ Подробно об этом см.: С. В. Прожогина. Указ. соч., с. 112—152.
- ¹⁷ A. Begag. Beni ou le paradis privé. P., 1989.
- ¹⁸ T. Imache. Une fille sans histoire. P., 1989.
- ¹⁹ Z. Boukoril. Le corps en pièces. P., 1977.
- ²⁰ J. L. Yacine. La bête. P., 1977.
- ²¹ A. Kalouaz. Point Kilométrique 190. P., 1986; idem. L'encre d'un fait divers. P., 1984; idem. La leçon d'absence. P., 1991.
- ²² N. Keftan. Le sourire de Brahim. P., 1985.
- ²³ A. Zitouni. La veuve et le pendu. P., 1993.
- ²⁴ У Ш. Бодлера в «Цветах зла» есть стихотворение с подобным названием: «Le crépuscule de matin».
- ²⁵ F. Kessas. Beur's story. P., 1990.
- ²⁶ A. Kalouaz. De Barcelone au silence. P., 1994.
- ²⁷ S. Boukedenna. Nationalité: immigrée. P., 1987.
- ²⁸ M. Charef. Le harki de Miriem. P., 1989.
- ²⁹ Les chemins d'Ildje. P., 1992.
- ³⁰ R. Lemouri. Le jardin de l'intrus. Alger, 1986.
- ³¹ M. Raïth. Palpitations intramuros. P., 1986.
- ³² Об этом см.: A. Begag. Beni ou le paradis privé.
- ³³ Djura. Le voile du silence. P., 1990.
- ³⁴ I. Ramdan. Pégase. P., 1991; idem. Donne-moi le temps. P., 1993; idem. Le vertige des Abbesses. P. 1990.
- ³⁵ N. Bouraoui. La bal de murènes. P., 1996.
- ³⁶ La voyeuse interdite. P., 1991.
- ³⁷ N. Bouraoui. Poing mort. P., 1992.

Средства компьютерной обработки японских текстов, разрабатываемые в Институте востоковедения РАН*

Одной из важных задач современной востоковедной лингвистики является создание средств компьютерной обработки текстов на восточных языках. В Отделе языков народов Азии Института востоковедения РАН разрабатываются две системы таких средств: система ИРИС – иероглифический редактор и справочник по японской графике и лексике для русскоязычных пользователей – и система ЯРАП – экспериментальный комплекс для лингвистических исследований по японско-русскому автоматическому переводу. Для обеих систем к настоящему времени построены действующие пилотные версии, которые и будут здесь рассмотрены.

I. Система ИРИС представляет собой многооконную систему с гипертекстовыми возможностями. Она имеет редакторские и справочные функции и позволяет работать с японской, русской, латинской и греческой графикой.

Математическое обеспечение системы разработано к.т.н. В.И. Любченко, основная часть информационного обеспечения составляется Н.И. Сениной и В.И. Сивцевой на базе словаря [Фельдман 1977]. Кроме данного словаря, предусмот-

* Исследования выполняются при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект № 98-01-00539).

рена возможность обращения к словарям еще двух типов: к иероглифическому японско-английскому словарю (представленному пока лишь в демонстрационных объемах) и к японско-русскому словарю комплекса ЯРАП (см. ниже), доступ к которому обеспечивается с помощью дополнительных программных модулей, разработанных к. физ.-мат. н. Л.С. Модинной. Система использует графическую базу японского индустриального стандарта [JIS 1984] с внутренней кодировкой знаков в формате JIS (.jis). Чтобы обеспечить ее совместимость с текст-процессорами, применяющими другие кодировки – например, с японским вариантом редактора Word, опирающимся на формат ShiftJIS (.sjs), – асп. А.В. Костыркиным построены соответствующие перекодирующие программы.

Система позволяет одновременно выводить на экран (слева и справа) два файла, в одном из которых текст записан в японской, греческой и/или смешанной графике, другой – в кириллице и/или латинице (см. Рис.1). Каждый из двух текстов может просматриваться и редактироваться отдельно от другого, но по желанию пользователю они могут быть также связаны друг с другом и листаться параллельно. Это удобно, когда, например, в одно окно выведены японские материалы, а в другое – их переводы на русский или другой европейский язык, комментарии и т.п.

При работе с системой ИРИС в режиме редактирования знаки русского и латинского алфавитов вводятся с клавиатуры стандартным способом, а для ввода всех других видов графики используется обращение к специальному окну ввода, расположенному внизу экрана под двумя основными окнами. Например, для ввода греческих букв в окно ввода вызывается их полный список, и нужная буква выбирается из этого списка. Для японской графики используется в целом тот же метод, но предусматривается несколько альтернативных способов ограничения того списка, в котором будет искаться вводимая единица. При этом возможен ввод как по одному графическому

знаку (“познаковый”), так и по целым лексемам (“лексический”).

一人のおじいさんが一
 わのオウムを飼っていま
 し。た。そ。れ。が。□。癖。で。し。た。の。ま。に。言
 う。の。オウムは、ん。の。□。癖。で。し。た。の。ま。に。言
 か。か。り。た。さ。っ。ぱ。り。覚。え。こ。ん。に。す。い。言
 葉。で。し。た。日。、。こ。た。の。家。の。前。を。ち。な。ま。は。と
 通。ど。オ。し。た。そ。ま。の。人。こ。の。オ。ウ。ム。を。感。心
 し。て、

У одного старика был попугай. У старика была привычка повторять: "Это уж точно!".

Попугай постепенно научился безошибочно подражать старику. Других же слов он совершенно не знал.

Однажды у дома, где жил старик, остановился прохожий и сказал: "Этот попугай выглядит довольно-таки сообразительным".

"Это уж точно!" - сказал попугай.

Прохожий пришёл в изумление и купил попугая. Однако попугай изо дня в день твердил: "Это уж точно!" - и ничего другого не говорил. "Надо было как следует проверить, а потом уже покупать. Какой же я растяпа!" - сказал себе [купивший его] человек.

"Это уж точно!" - громким голосом прокричал попугай.

←A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X→
 Rad. 154 衣 西 見 角 言 谷 豆 豕 豕 赤 走 足 身 車 辛 辰 ... β 酉 采 里 金 長
 add: 85

Рис. 1. Вид экранного представления параллельных текстов в системе ИРИС в процессе редактирования

Познаковый ввод удобен, прежде всего, для японских слоговых азбук хирагана и катакана. Их единицы задаются при этом своей транскрипцией: латинской или русской, по выбору пользователя. В качестве латинской транскрипции используется стандартный вариант ромадзи, русская транскрипция представляет собой расширение известной транскрипции Е.Д. Поливанова [Поливанов 1968]. При познаковом вводе иероглифов могут использоваться их “онные” (“китайские”) чтения, записываемые транскрипцией (также латинской или русской), их номера по Японскому индустриальному стандарту или традиционная ключевая система их организации. В последнем случае пользователь может вызвать на экран ту группу иерог-

лифов, из которой будет выбираться требуемый, двумя разными способами: он может либо непосредственно указать цифровой код этой группы, задав номер ключа иероглифа и точное число черт в нем в дополнение к ключу, либо обратиться к полному списку ключей, выделить нужный ключ в этом списке и указать число дополнительных черт приблизительно – лишь бы оно не превышало требуемого. Ситуация такого ввода представлена на Рис. 1: в перечне ключей выделен ключ, имеющий в нем номер 154, и указано число дополнительных черт - 05. Нажав в этой ситуации клавишу ENTER, пользователь получит в том же окне список всех иероглифов с данным ключом, содержащих 5 или более черт в дополнение к этому ключу.

Заметим, что возможность ввода японских знаков не только через латинскую, но и через русскую транскрипцию, является спецификой системы ИРИС, отличающей ее от всех других существующих на данный момент японских текст-процессоров.

Лексический ввод возможен в системе ИРИС в одноязычном или двуязычном вариантах. При одноязычном лексическом вводе требуемые японские лексемы задаются своей русской или латинской транскрипцией (вполне аналогично фонетическому познаковому вводу). При двуязычном лексическом вводе обращение к японским лексемам происходит от лексем другого языка, прежде всего русского: указав в окне ввода русскую лексему и нажав клавишу ENTER, пользователь вызывает в это окно список всех японских лексем (из числа учтенных в информационном обеспечении системы), у которых хотя бы один из их русских переводов содержит указанную лексему. Предусмотрена также возможность двуязычного ввода с использованием лексем, записываемых латиницей (например, английских). Таким образом, при достаточной полноте своего информационного обеспечения система ИРИС сможет функционировать как переводной словарь – соответственно, русско-японский и англо-японский. В настоящее время в

русско-японском компоненте ее обеспечения содержится около 7 тыс. слов, англо-японский компонент носит лишь демонстрационный характер.

Справочные функции системы ИРИС предусматривают возможность получать для каждого японского знака его увеличенное изображение, сопровождаемое краткой справкой о его чтении и графическом составе, а также обращаться к описаниям данного знака и/или начинаемой им лексемы в трех различных электронных словарях: двух иероглифических (японско-русском и японско-английском) и в лексико-морфологическом словаре, используемом в комплексе ЯРАП (см. о нем ниже в п. II). На Рис. 2 показан вид экрана, полученный при вызове

一 人 の お じ い さ ん が 一 わ の 才 ウ ム の じ を 飼 っ て い ま し た 。 そ れ が □ ム の 癖 は さ え そ っ ば 、 こ た 中 ね と 違 っ た 。 そ の 人 こ じ ろ と う か 、 か し は し あり かつ だ 言 い そ の 人 こ じ ろ と か っ ま 葉 で 通 じ 言 し 取 日 、 い	通 がる tzu:ga:u корчить из себя знатока 通 る тоору (to:ru) 1) проходить; проезжать; 2) иметь хождение; фигурировать; 3) проходить, приниматься [напр. о предло- жении] ■ り тоори (to:ri) 1) дорога; улица; проезд, проход; 2) уличное движение; 3) проходимость [труб и т. п.]; 4) репутация; 5) понятность; 6) сорт, вид 通 り に тоори-ни (to:ri-ni): ...-но тоори-ни (...-no toori-ni) как; согласно; по; соно тоори-ни натта (sono toori-ni natta) так и вышло 通 す тоосу (to:su) 1) давать пройти, пропускать, выпускать; 2) пропускать [свет, воду и т. п.];
--	--

Feldman's dictionary. F10=secondary refer to Feld. dict.(to bottom window);
 F9=enlarge character under cursor; F2=edit mode; <ESC>=back to master text

Рис. 2. Вид экранного представления японского текста, сопровождаемого справочной информацией об одном из содержащихся в нем иероглифов

японско-русского иероглифического словаря для иероглифа, который в тексте, представленном на экране в левом окне, стоит первым во второй строке третьего абзаца (напротив записи “5) понятность” в правом окне).

В правое окно оказался выведен, как видим, фрагмент иероглифического словаря, содержащий информацию о данном иероглифе, причем курсор указывает на самую длинную из всех единиц в этом фрагменте, которые вкладываются в цепочку, начинаемую рассматриваемым иероглифом в содержащей его строке текста.

Система ИРИС может быть полезна для студентов, преподавателей, переводчиков и других лиц, работающих с японским языком. Уже в ее текущей версии она может, как видим, служить источником справочного материала по японскому языку, а также использоваться для накопления массивов параллельных японских и русских (или английских) текстов, для подготовки учебных материалов (компьютерных или обычных), создания учебных пособий, справочников, сборников упражнений и т.п.

II. Если система ИРИС предназначена для подготовки различных текстовых материалов человеком, то комплекс ЯРАП ориентирован на задачи автоматической обработки текстов – прежде всего задачи автоматического перевода, как они встают применительно к письменной форме японского языка. Комплекс начал создаваться в 1989 г. и явился первой в мире экспериментальной разработкой средств машинного перевода для пары языков <японский-русский>.

Комплекс ЯРАП моделирует классическое представление о переводе как сочетании трех различных между собой видов языковой деятельности:

анализ — межъязыковые операции — синтез.

Соответственно, он включает три основные подсистемы: подсистему анализа входного японского текста JapAn (*Japanese Analysis*), подсистему японско-русских межъязыковых опера-

ций JaRus (*Japanese-Russian transfer*), и подсистему синтеза русского текста RUMORS (*RUssian MORphology and Syntax*).

В качестве теоретико-лингвистического фундамента для разработки всех трех подсистем комплекса принят сущностный подход к языку и его формализованному лингвистическому описанию [Шаляпина 1999]. Программное обеспечение комплекса ЯРАП ориентировано на персональные ЭВМ типа IBM PC, MS DOS или WINDOWS. Подсистемы JarAn и JaRus реализуются в среде логического программирования Эрити Пролог (разработчик Л.С. Модина), подсистема RUMORS – на языке программирования Турбо Паскаль (разработчик д. физ.-мат.н. М.И. Канович). В подготовке лингвистического обеспечения комплекса принимают участие А.С. Панина, Е.С. Тарасова, О.А. Штернова.

К настоящему времени построена лексико-морфологическая версия комплекса ЯРАП, охватывающая пока низшие лингвистические уровни обоих рассматриваемых языков, от графического до морфолого-синтаксического.

Особенности подсистемы японского анализа JarAn в пределах этих уровней в значительной степени определяются спецификой японской графики, которая, во-первых, не предусматривает пробелов или других стандартных показателей границ между словами и, во-вторых, использует слоговые знаки – при том, что морфология и морфонология в японском, как и в других языках, носят фонетический характер. В результате анализ японских текстов не может начинаться с выделения словоформ и их обработки с учетом предполагаемой для них внутренней структуры. Требуется первоначально разбить анализируемый текст на более или менее крупные фрагменты, границы между которыми с достаточной степенью надежности совпадают с границами морф или словоформ, но которые в общем случае могут включать более одной словоформы, затем выявить возможный морфный состав этих фрагментов (учитывая, что границы между морфами могут, в частности, проходить “внутри” отдельных графических единиц) и лишь после этого

приступать к стандартному морфологическому анализу, представляющему при этом как своего рода “анализ через синтез”. Более того, поскольку уровни словоформ и словосочетаний в японском языке в значительной степени интерферируют между собой и границы между ними, в зависимости от используемых критериев, могут проводиться по-разному [Алпатов 1979], результаты такого анализа требуют дополнительной верификации с учетом морфолого-синтаксических свойств получаемых единиц.

В соответствии с этими требованиями, демонстрируемая здесь версия подсистемы японского анализа осуществляет четыре основные группы операций:

- разбиение японских текстов на предложения и их фрагменты;
- сегментацию получаемых фрагментов на морфологические элементы с сопоставлением их русской транскрипции;
- морфологический анализ установленной цепочки морфологических элементов с определением границ и структуры образуемых ими словоформ;
- морфолого-синтаксический анализ, обеспечивающий проверку совместимости выявляемых словоформ в их линейной последовательности.

Подсистема японско-русских межъязыковых операций JaRus обеспечивает переход от языка оригинала (японского) к языку перевода (русскому) и отвечает за нейтрализацию важнейших различий между тем и другим языком. Для этого она объединяет в себе два основных компонента: *блок предпереводческого анализа* и *блок собственно перевода*.

Блок собственно перевода может в принципе работать и без предпереводческого анализа. Результатом будет посегментный перевод входного японского текста – его “прямой” подстрочник, элементы которого остаются в том же порядке, что и исходные японские морфологические элементы. Комплекс ЯРАП функционирует при этом как японско-русский

автоматический словарь, работающий с учетом морфологического и морфолого-синтаксического контекста.

При подключении блока предпереводческого анализа перевод выполняется на более высоком уровне адекватности. Степень ее зависит при этом, с одной стороны, от полноты и точности внутриязыкового анализа входного текста, проведенного подсистемой JapAn, и, с другой стороны, от успешности использования результатов этого анализа при моделировании тех или иных переводческих приемов. При неполноте внутриязыкового анализа текста предпереводческий анализ может также в какой-то мере компенсировать эту неполноту, вводя недостающие элементы информации “по умолчанию”. Именно таким образом он работает в описываемой версии комплекса. Основными его функциями в ней являются:

- выделение позиционных единиц перевода как таких последовательностей слов или словосочетаний, внутри которых все позиционные отношения между их непосредственными компонентами должны обрабатываться однородным образом, т.е. либо должны все сохраняться, либо все инвертироваться;
- осуществление контекстуальной коррекции переводных эквивалентов для входных японских единиц при несовпадении набора допустимых для них синтаксических функций с соответствующими свойствами их основных русских эквивалентов (например, замена субстантивного варианта перевода японского существительного на адъективный, если оно употреблено как определение к другому существительному);
- выявление фразеологических единиц, а также других словосочетаний, требующих нестандартного перевода для всех или некоторых из своих компонентов, и внесение требуемых изменений в переводные эквиваленты соответствующих компонентов таких словосочетаний;

- установление отдельных лексико-синтаксических связей – с той степенью надежности, с которой это возможно без выявления полной синтаксической структуры предложения.

По завершении предпереводческого анализа его результаты обрабатываются блоком собственно перевода, который преобразует их в русское морфолого-синтаксическое представление, передаваемое далее подсистеме русского синтеза.

Подсистема русского синтеза RUMORS завершает процесс перевода, строя выходной русский текст по тому его представлению, которое поступило на ее вход. Важным свойством этой подсистемы является то, что она может работать с "недоопределенными" и "переопределенными" входными данными, восполняя и корректируя на этапе синтеза ту информацию, которая могла оказаться в них отсутствующей или неточной. Выполняются, в частности, следующие операции по верификации и уточнению входных лексико-морфологических определений синтезируемых словоформ:

- производится проверка морфологических характеристик в имеющихся определениях словоформ на непротиворечивость с устранением обнаруженных противоречий;
- проверяется совместимость требуемых морфологических характеристик словоформ с морфологическими свойствами их лексических компонентов и в случае несовместимости производится модификация этих характеристик;
- при отсутствии во входном представлении русского текста эксплицитных сведений о его синтаксической структуре осуществляется "квази-анализ" этого представления, выделяющий входящие в него именные и предложные конструкции по его линейной структуре (в предположении максимальной стандартности этой структуры), и в лексико-морфологические определения словоформ в составе выделенных конструкций вводятся отвечающие им признаки согласования и управления;

- для единиц, выбор которых может быть обусловлен лексически (прежде всего для локативных и каузативных предлогов), проверяется их соответствие имеющемуся лексическому контексту и в случае несоответствий производятся требуемые лексические замены (например, предлог *в* в сочетании с существительным *улица* заменяется предлогом *на*, предложное выражение *с помощью* в сочетании с процессуальным существительным типа *появление* заменяется выражением *в результате* и т.п.).

После того, как входное представление скорректировано, осуществляется синтез отвечающей ему окончательной цепочки словоформ, которая и выдается в качестве результата перевода.

Описанные средства позволяют в пределах имеющихся экспериментальных массивов словарной и грамматической информации осуществлять успешную обработку и получать вполне приемлемые русские переводы для простых и даже для некоторых осложненных японских предложений. Пример такой обработки и формируемого в результате перевода приведен на Рис. 3. На первой экранной странице в верхней части экрана выведено само переводимое японское предложение, в нижней – сперва результаты первоначального посегментного перевода данного предложения, а затем сопоставленное ему русское морфолого-синтаксическое представление, сформированное в результате последовательного выполнения операций предпереводческого анализа и собственно перевода и служащее входом в подсистему русского синтеза. Вторая экранная страница содержит окончательный перевод предложения, полученный в результате обработки его морфолого-синтаксического представления подсистемой русского синтеза.

機械翻訳システムは人間にとって必要である。

машина перевод система:mn человек для:инф.дат-п необходимый:тв-п явл
аться:наст ...:

система:NN{1_2}.mn.им-п машинный:NN{1_3} перевод:NN{1_4}.род-п являться:NN
{1_6}.наст.RG1[система:NN{1_2}.mn.им-п].RG2[необходимый:NN{1_8}.тв-п] необходи
мый:NN{1_8}.тв-п.RDZ[являться:NN{1_6}.наст.RG1[система:NN{1_2}.mn.им-п]] для:NN
{1_9}.инф.дат-п человек:NN{1_10} ...:NN{1_12}:

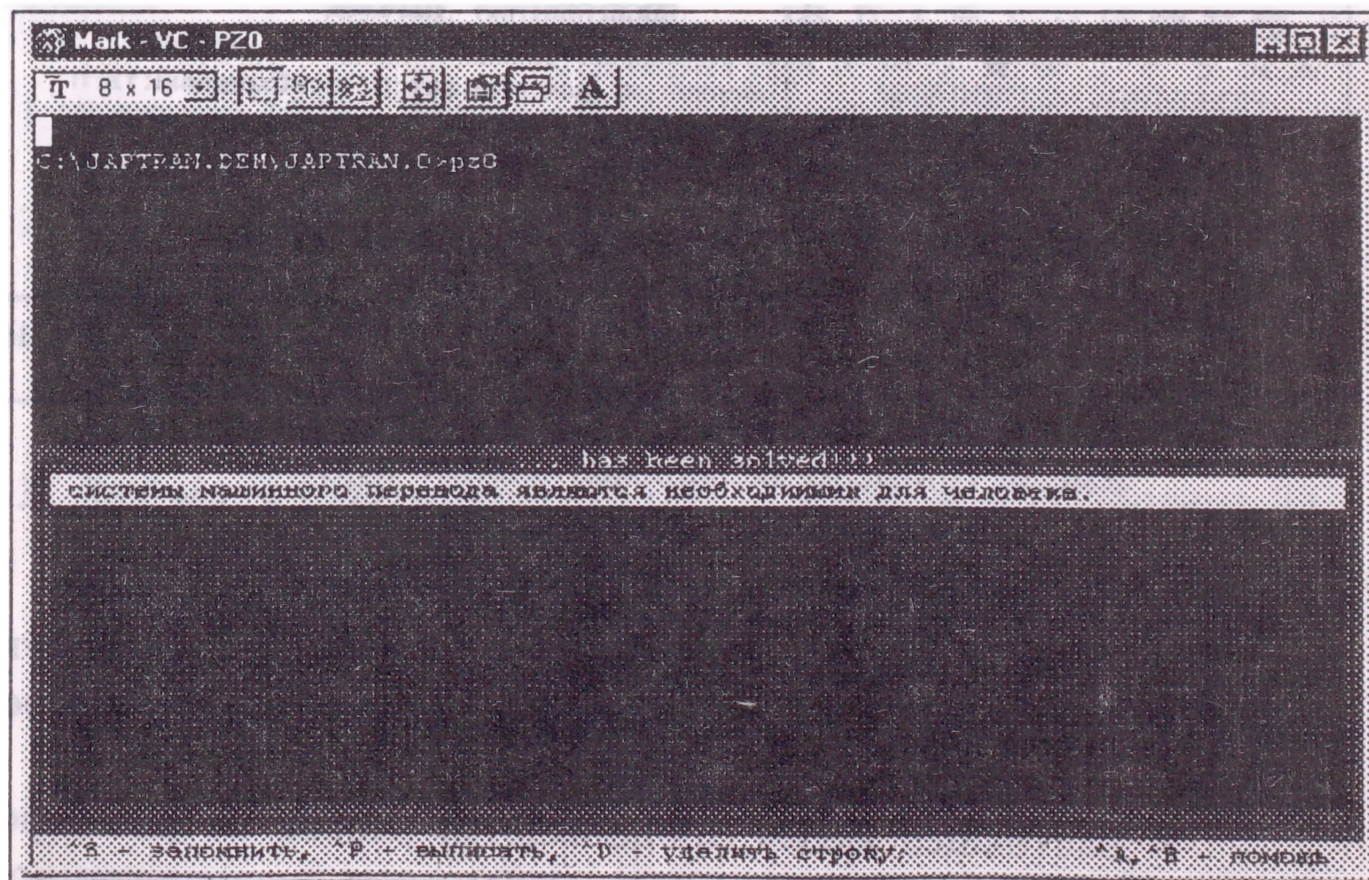

Рис. 3. Вид экранного представления предложения, переводимого с помощью комплекса ЯРАП, в процессе работы этого комплекса

На Рис.4 приводятся переводы нескольких модификаций того же предложения, которые также выполнены средствами комплекса ЯРАП, но представлены после этого с помощью редактора ИРИС, рассмотренного выше в п. I.

1. 機械翻訳は人間 にとって必要である。 РЕЗУЛЬТАТЫ СЕГМЕНТАЦИИ кикан1 * хон'яку1 # ва2_1 # нингэн1 * ни2_2 * тоттэ1 * хицуюо1 * дэ1 # ару1 :эс.ин.нв # тчк1 # 2. 機械は人間にとって 必要である。 РЕЗУЛЬТАТЫ СЕГМЕНТАЦИИ кикан1 # ва2_1 # нингэн1 * ни2_2 * тоттэ1 * хицуюо1 * дэ1 # ару1 :эс.ин.нв # тчк1 # 3. 機械翻訳システムは各 人にとって必要である。 РЕЗУЛЬТАТЫ СЕГМЕНТАЦИИ кикан1 * хон'яку1 * сисутэмү1 # ва2_1 # каку1 * хито1_1 * ни2_2 * тоттэ1 * хицуюо1 * дэ1 # ару1 :эс.ин.нв # тчк1 #	ПРЕДЛОЖЕНИЕ 1. ПОСЕГМЕНТНЫЙ ПЕРЕВОД 1. машина перевод человек для:инф.дат-п необходимый:тв-п являться:наст .: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД 1. машинный перевод является необходимым для человека. ПРЕДЛОЖЕНИЕ 2. ПОСЕГМЕНТНЫЙ ПЕРЕВОД 2. машина человек для:инф.дат-п необходи мый :тв-п являться:наст .: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД машина является необходимой для человека. ПРЕДЛОЖЕНИЕ 3. ПОСЕГМЕНТНЫЙ ПЕРЕВОД 3. машина перевод система:мн каждый человек:мн для:инф.дат-п необходимый:тв-п являться:наст .: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД системы машинного перевода являются необходимыми для каждого человека. <END>
Russian; Shift+F2=Greece; Shift+F1=keyboard layout; <Grey-/>=Nels/Feld F9=enlarge char. under cursor; Ctrl-D/Ctrl-E=erase line/text; Line=2 Col=1	

Рис. 4. Примеры экспериментальных переводов,
выполненных комплексом ЯРАП,
при их представлении средствами редактора ИРИС

В дальнейшем планируется обеспечить непосредственную увязку этого редактора с подсистемами автоматического перевода данного комплекса.

В настоящее время продолжается работа по расширению и совершенствованию всех компонентов представленной здесь лексико-морфологической версии комплекса ЯРАП. Наиболее трудоемкой задачей является при этом верификация и пополнение используемого данной версией комплекса фор-

мализованных словарных массивов. На данный момент эти массивы включают около 8 тыс. японских лексических единиц. Одновременно начато построение отдельных компонентов следующей, лексико-синтаксической версии комплекса – прежде всего подсистемы японского лексико-синтаксического анализа, программное обеспечение которой будет разрабатываться А.В. Костыркиным. Подсистема должна будет обеспечивать выявление структуры зависимостей японских предложений, что позволит, как ожидается, более полно и точно моделировать структурные соотношения японского и русского языков в процессе перевода. В будущем предполагается исследовать возможности использования комплекса ЯРАП для работы не только с японским, но и с другими восточными языками в целях создания на его базе многоязычной исследовательской системы автоматической обработки текстов на этих языках.

Литература

1. Алпатов 1979 – Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, ГРВЛ.
2. Канович 1997 – Канович М.И., Шаляпина З.М. Русский морфологический и морфолого-синтаксический синтез по неполной и/или неточной входной информации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы (к 20-летию кафедры современного русского языка). М.: "ИКАР", с. 137-147.
3. Любченко 1999 – Любченко В.И., Костыркин А.В., Модина Л.С., Сенина Н.И., Сивцева В.И., Шаляпина З.М. Система ИРИС – иероглифический редактор и справочник по японской графике и лексике // V-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы и резюме докладов. Санкт-Петербург, с.52-58.
4. Модина 1996 – Модина Л.С., Шаляпина З.М. Принципы анализа японских текстов при моделировании японской лексико-морфологической системы // Труды международного семинара ДИАЛОГ '96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям [под ред. А.С. Нариньяни]. М., с. 169-174.

5. **Модина 1999** – Модина Л.С., Шаляпина З.М. Межъязыковые операции в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 7. М.: ИВ РАН, с. 172-231.
6. **Поливанов 1968** – Поливанов Е.Д. О русской транскрипции японских слов // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, ГРВЛ, с. 253-286.
7. **Фельдман 1977** – Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.
8. **Шаляпина 1999** – Шаляпина З.М. Оппозиция "часть-целое" и сущностный подход к моделированию языковой компетенции // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, с.541-555.
9. **Шаляпина, Модина 1999** – Шаляпина З.М., Модина Л.С., Канович М.И. Экспериментальный комплекс ЯРАП как инструмент сопоставительных лингвистических исследований // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. М.: Современный писатель, с.64-79.
10. **JIS 1984** - Japanese Industrial Standard. 16-dots Matrix Character Patterns for Display Devices. JIS C 6232-1984. Established 1984-11-01. Investigated by Japanese Industrial Standards Committee. Tokyo.

**Шихсаидов А.Р., Османов А.И.
ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала**

Дагестанское востоковедение: состояние и перспективы

Важнейшей и неотъемлемой частью исторической науки Дагестана, получившей развитие на профессиональном уровне с середины 20-х гг. XX в., со времени создания Научно-исследовательского института, призванного заниматься историей и культурой дагестанских народов, является дагестанское востоковедение, уходящее своими корнями в средневековье. Первые дагестанские ученые тех времен, обращавшиеся к истории своих народов, не только получили образование в Дагестане, но и пополняли свои знания в странах Ближнего Востока. Знание восточных языков, знакомство с востоковедческими научными школами позволяли им создавать труды, отличавшиеся оригинальностью. Систематическая работа по исследованию памятников письменной культуры народов Дагестана была начата Российской академией наук. Выдающиеся представители Академии наук России Ю. Клапрот, Н.М. Карамзин, А.Я. Рейнегс, М.А. Казембек и другие много сделали для сбора, изучения и публикации памятников письменности дагестанского происхождения, ознакомления с ними широкой общественности.

Эта работа привлекала внимание крупнейших российских востоковедов В.В. Бартольда и И.Ю. Крачковского. Статьи В.В. Бартольда “Дагестан”, “Дербент”, “К вопросу о происхождении кайтагов”, “К вопросу о происхождении Дербент

наме” и другие служили блестящими подтверждениями неопределимого значения письменных памятников для изучения и освещения важнейших проблем истории.

В трудах И.Ю. Крачковского глубокому источниковедческому анализу были подвергнуты исторические сочинения Абдурахмана из Казикумуха “Хуласат ат-тафсил ан ахвал Шамуил” и Мухаммедтахира ал-Карахи “Барикат ас-суйуф...”, а также многие другие дагестанские работы и письменные источники; он указывал на необходимость не только сбора, но и издания целой серии таких памятников. И.Ю. Крачковский дал общую характеристику значения дагестанской арабоязычной литературы.

С созданием научно-исследовательского института работа по выявлению, учету и изучению рукописного наследия памятников книжной культуры дагестанских народов, как находившихся в Дагестане, так и поступивших из стран Ближнего и Среднего Востока, приобретает целенаправленный и систематический характер. Организованный при институте Рукописный фонд усилиями ряда поколений ученых превращается в крупнейшее на Северном Кавказе хранилище рукописей и печатной продукции на арабском, персидском, тюркском и дагестанских языках. Одновременно с этим проводилась большая работа по исследованию собранного хроникального и документального материала, каталогизации книжных фондов, описанию многочисленных частных и хранящихся в мечетях книжных и рукописных коллекций.

В разное время собиранием и изучением памятников письменной культуры занимались такие известные в Дагестане знатоки арабского языка как М. Инкачилав, А. Каяев, М. Гайдарбеков, М.-К. Ахмедов, М.Г. Нурмагомедов, М.-К. Мугуматов. В собирании рукописного и книжного наследия, его изучении большую роль сыграл М.-С. Саидов, возглавивший созданный в 1963 г. при Институте ИЯЛ отдел восточных рукописей. Ему принадлежит один из первых общих обзоров, а также

каталог дагестанской арабоязычной литературы XVIII - XIX вв.¹, привлекая внимание широкой научной общественности.

В пополнение Рукописного фонда немалый вклад внесли А.Р. Шихсаидов, долгие годы руководивший Отделом восточных рукописей, А.А. Исаев, Г.М.-Р. Оразаев, Х.А. Омаров, Т.М. Айтеров, А.Н. Козлова, Д.Х. Гаджиева, владеющие дагестанскими, арабским, персидским и тюркскими языками. Ныне Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН располагает более чем 12 тысячами единиц хранения. Среди них около 2700 рукописных книг и более 1300 печатных книг, несколько тысяч писем и документов.

По мере накопления в Рукописном фонде Института богатейшего собрания памятников, все большую актуальность приобретала проблема теоретического осмысления этого культурного наследия. В последние годы вышел в свет целый ряд монографических работ, тематических сборников, статей, переводов исторических сочинений дагестанских авторов, написанных на арабском и других языках. Из наиболее значимых работ можно назвать "Дагестанские исторические сочинения" (перевод и комментарии Шихсаидова А.Р., Айтберова Т.М., Оразаева Г.М.-Р.), 2-х томное собрание сочинений А. Акаева "Тропой пророка" (составление, перевод и комм. Оразаева Г.М.), "Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана" (Исаев А.А.), "100 писем Шамиля" (перевод и комм. Омарова Х.А.), "Воспоминания" Абдурахмана из Газикумуха (перевод Саидова М.-С., редакция перевода и комм. Шихсаидова А.Р.), "Воспоминания Абдуразака Согратлинского о восстании 1877 г." (перевод Омарова Х.А.), сочинения Махмуда ибн Хиналуга "События в Ширване и Дагестане. XIV - XV вв.", (перевод и комм. Шихсаидова А.Р.), Мухамеда Аваби Акташи "Дербенд-наме" (перевод и комм. Оразаева Г.М.-Р. и Шихсаидова А.Р.), "Мухаммед Амин (Сиялав) и национально-освободительное движение народов Северного Кавказа в 1840 - 1860 гг." (составитель Магомеддаев А.М.), "Дагестанская диаспора в Турции" (Мусаева М., Курбанов М.-З., Магомедда-

даев А.М.). Опубликован фундаментальный труд “История Дагестана с древнейших времен по XV в. включительно” (Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.).

Список изданий Института ИАЭ мог бы быть значительно более пространным, если бы не ограниченность издательских возможностей Института. Востоковедами ИИАЭ подготовлены к изданию: “Тюркоязычные документы фонда Кизлярский комендант” (составитель и переводчик Оразаев Г.М.-Р.), “Дербент наме и джадид” (перевод Козловой А.Н.), “Каталог персидских рукописей Института ИАЭ” (Алибекова П.М.), “Сочинения Абдурахмана из Газикумуха “Хуласат аттафсил” (перевод Тагирова Н.А.), “Материалы о народно-освободительном движении 20-50-х гг. XIX в. на арабском языке” (перевод Шерафутдинова Р.Ш.), “Ислам и исламская культура в Дагестане” (отв. ред. Шихсаидова А.Р.), “Эмиграция дагестанцев в Османскую империю” (сб. док.), “Словарь Джами ал-лугатайн” Дибиркади из Хунзаха (подготовка к изданию Алибековой П.М.).

Широкий спектр востоковедческих исследований и изданий, осуществляемых Институтом, показывает, что дагестанские востоковедение приобретает все более научный характер. Вместе с тем ученые-востоковеды Института не ограничиваются лишь научными поисками и много сил отдают передаче своих знаний студентам вузов. Многие из них преподают в вузах арабский, персидский и тюркские языки, ведут занятия по истории и культуре народов Востока.

Более масштабный и активный характер приобрела и работа по выявлению и фиксации рукописных коллекций Дагестана. Проведение археологических экспедиций стало возможным благодаря грантам, выделяемым по федеральной целевой программе “Интеграция”. В таких экспедициях, проводимых совместно с Дагестанским университетом, решается двуединая задача: выявление, учет, фиксация эпистолярных памятников, а также обучение студентов методам археологической работы.

В 1997 - 2000 гг., как предусмотрено проектом, поддержанным фондом "Интеграция", успешно выполняется задача по каталогизации памятников рукописной книжной культуры Дагестана в их полном объеме. Создание полного каталога всех коллекций в рамках одного региона - беспрецедентное явление в практике востоковедения,² решение подобной задачи может быть по плечу только коллективу, имеющему большой опыт работы в этой сфере. Говорить о значимости этой работы нет необходимости: она обогатит источниковедческую базу востоковедческих исследований по истории не только Дагестана, но и Северного Кавказа.

Первые результаты археографических экспедиций говорят о том, что здесь ученых ждут приятные неожиданности. Оказалось, что частных книжных коллекций гораздо больше, чем можно было предполагать. В 1997 - 1999 гг. археографическая экспедиция Института ИАЭ и Даггосуниверситета работала в Хунзахском, Гергебельском, Гунибском, Акушинском, Табасаранском, Кайтагском, Левашинском, Дахадаевском районах, в Махачкале³, а также зафиксировала ряд книжных коллекций в других районах. Составлен полный перечень около 90 частных и хранящихся при мечетях рукописных собраний. Выявлено и описано более 200 рукописей XIII – I-й пол. XX вв., в их числе уникальные сочинения дагестанских авторов XV – I-й пол. XX в.: Ахмада-Йамани Газикумуки, Мухаммада ал-Кудуки, Шабана из Обода, Дамадана из Мегеба, Абубакара Аймакинского, Ибрагима из Урада, Муртазаали из Урада, Саида Араканского, Абдурахмана из Газикумуха, Абдурахмана из Согратля, Мухаммадмирзы из Аймаки, Мухаммеда из Могоха, Умара из Кудали, Мухаммедтахира ал-Карахи, Мухаммедэфенди из Кикунь, Мухаммеда, сына Чаранова из Могоха, Гасана Алкадари, Нажмуддина Гоцинского, Али Каяева и др.

Особо следует отметить научное сотрудничество и эффективные творческие контакты с учеными ближнего и дальнего зарубежья. Сотрудники Отдела в течение многих лет под-

держивают научные связи с учеными Турции, Сирии, Великобритании, США, Германии, Израиля, Швеции, Венгрии, Азербайджана, Грузии, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана.

Старший научный сотрудник Г.М.-Р. Оразаев имеет постоянные связи с учеными и научными обществами Турции. В частности, в сотрудничестве с учеными Турции и России он издал ряд ценных работ по тюркской лексикологии⁴.

Старший научный сотрудник Х.А. Омаров в течение многих лет руководил группой переводчиков в Сирии и Ливии. Неоднократно было отмечено высокое качество его работы.

Кандидат исторических наук А.М. Магомеддадаев неоднократно выезжал в научные командировки в Турцию и наладил постоянные контакты с дагестанской диаспорой, особенно с культурным центром “Дагестан” (президент - Шигабудинов Озден) в г. Ялова, стамбульским обществом “Кузей Кафкасы” (“Северный Кавказ”) и обществом “Фонд Шамиля” (ответственный секретарь - Гекхан Ментеш). Во время этих научных командировок ученый собрал ценный материал по истории и культуре дагестанской диаспоры в Турции, позволяющий судить о перспективах ее развития.

В 1996 - 98 гг. сотрудники Отдела восточных рукописей принимали участие в разработке долгосрочной программы ИНТАС (№ 94 - 4641) “Мусульманская культура в России и Центральной Азии от XVIII до начала XX в.” (Россия, Дагестан, Германия, США, Узбекистан, Башкортостан и др.). В рамках этой программы проводилось, в частности, изучение рукописной книжной культуры Дагестана (арабско-, персидско- и тюркоязычной). Координатор Международной программы ИНТАС – Бохумский Рур-университет, Семинар ориенталистики и индологии (доктор Михаэль Кемпер). В 1997 г. в Санкт-Петербурге был проведен круглый стол по теме программы (от Дагестана с докладами выступили Г.М.-Р. Оразаев, А.М. Магомеддадаев, А.Р. Шихсаидов). В 1997 и 1988 гг. в

Берлине были изданы на немецком и английском языках два тома "Muslim Culture in Russia and Central Asia from the XVIII to the early XX Centuries" (от Дагестана – статьи А.И. Исаева, А.М. Магомеддадаева, А.Н. Козловой, Н.А. Тагировой, А.Р. Шихсаидова). В 1990 году участники программы ИНТАС Михаэль Кемпер (Германия) и Клеменс Сидорко приняли участие в работе археографической экспедиции в Дагестане по проекту "Интеграция" ("Арабские рукописные коллекции Дагестана") и познакомились с материалами Фонда восточных рукописей. Ученые Дагестана, Германии и Израиля разрабатывают программу совместных изданий.

Налажена связь с библиотекой Принстонского университета (США), где хранится коллекция рукописей, принадлежавших Шамилю.

Накопленный опыт позволяет ставить перед дагестанским востоковедением новые задачи. Речь идет о переориентации исследований на решение таких крупных научных проблем, как ислам и исламская культура в Дагестане и на Северном Кавказе; изучение дагестанской диаспоры, достаточно широко представленной в странах Ближнего Востока; проблемы, связанные с изучением политических, экономических, культурных и научных контактов с Закавказьем, Средней Азией и Ближним Востоком. Эти направления рассматриваются как приоритетные, на них будут сосредоточены усилия ведущих специалистов Института.

Важной областью деятельности востоковедов остается исследование культурного наследия; работы такого плана поддерживаются как многими международными фондами и организациями, так и на государственном уровне. Интерес мировой общественности к археографическим поискам, собиранию, изучению и публикации рукописного культурного наследия можно объяснить прежде всего тем, что именно через письменные памятники убедительнее всего прослеживаются культурные контакты народов и цивилизаций. В то же время международный обмен информацией о письменных памятниках

становится одной из распространенных и перспективных форм научного сотрудничества ученых разных стран.

Предстоит выполнить большой объем работ по подготовке к изданию крупных исторических сочинений дагестанских авторов прошлого, а также других научных трудов; продолжить подготовку каталогов письменных памятников на арабском, персидском, тюркских и дагестанских языках – памятников, которые хранятся в Рукописном фонде Института ИАЭ. Начинается собирание, изучение и издание сочинений дагестанских авторов по мусульманскому праву и исламской культуре.

К выполнению намечаемых задач будут привлекаться российские и зарубежные востоковеды, специалисты из вузов Дагестана, объединение усилий ученых и решение крупных научных проблем поможет издать работы фундаментального характера, написанные на высоком научном уровне.

Важное место в работе отдела занимает изучение проблемы дагестанской диаспоры на Ближнем Востоке.

В настоящее время востоковеды Института ИАЭ совместно с преподавателями-востоковедами Дагестанского государственного университета работают над выполнением проекта “Арабские рукописные коллекции Дагестана” (автор и руководитель – проф. А.Р. Шихсаидов), поддержанного решением Совета Федеральной целевой программы “Интеграция”.

Проект рассчитан на 1997 - 2000 гг. и ставит основной целью выявление в полном объеме всех памятников рукописной книжной культуры в Дагестане и создание каталогов книжных коллекций. Долгосрочная цель программы – подготовка научной и материальной базы для последующего этапа полевой и эдиционной археографии – создания Сводного каталога рукописных книжных коллекций и документов на арабском и других восточных языках..

¹ М.-С. Саидов. Дагестанская литература на арабском языке в XVIII - XIX вв. Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 2. М., 1960;

Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Даг-филиал АН ССР. М. "Наука". 1977.

² Шихсаидов А.Р. Важный этап в изучении рукописного наследия народов Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. 1999. № 3.

³ Участники экспедиций и основные исполнители проекта: А.Р. Шихсаидов (начальник экспедиции), М.Г. Магомедов (зам. начальника экспедиции), члены экспедиции: А.Р. Наврузов, А.М. Магомеддаев, Д.Х. Гаджиева, Х.А. Омаров, П.М. Алибекова, М.Г. Амиров, Д. Хакрун, М.-Р.А. Гасанов, З.Ш. Закарияев, Ш. Акушали, П.О. Гусейнов, О.А. Гаджиева, П.М. Джамалутдинова и студенты восточного отделения исторического факультета ДГУ.

⁴ Оразаев Г., Кадыргаджиев К. Грамматические термины кумыкского языка // Справочник грамматических терминов тюркского мира. - Анкара, 1997 (на тур. яз.): Хакимзянов Ф., Оразаев Г. Грамматические термины тюркского языка. - Там же; Оразаев Г. Праздник Навруз у кумыков // Гюндуз. Анкара. 8 апр. 1995. (на тур. яз.)

О программе "Ислам в XXI в."

Я хотел бы поддержать тезис, который прозвучал в докладе Ростислава Борисовича о необходимости работать над программой "Ислам в начале XXI в." Значение этой темы бесспорно для понимания культуры Востока. Но ислам стал также фактором сегодняшней жизни: российской, Европы, Запада. Весьма сложные процессы происходят в среде имамов, в религиозной среде. Они тоже требуют своего осмысления и поисков каких-то творческих подходов к тем процессам, какие есть сегодня.

Сегодня, когда различные формы ислама распространяются по миру, было бы очень своевременно поднять в рамках этой программы вопрос о российских традициях в Исламе и, прежде всего, традиции джадидизма, реформаторства в исламе, чем особенно отличались татары в 19 - начале 20 века. Причем, наша собственная почва породила замечательные образцы ислама, ислама не только передового, но и толерантного, который умеет взаимодействовать с православием. Это уникальный опыт, который может пригодиться и в других странах. Мы видим, какие сложные процессы, происходят в Боснии или в Косово. Вообще для всей Европы стали пугалом не только ислам, но и православие. В то же время, в России есть уникальный

опыт, когда такие две, казалось бы, сложные религии вполне уживаются и могут создавать образцы взаимодействия.

Существует мировой уровень этой проблемы. В Европе ислам становится существенным фактором. Количество мусульман растет, и не только в Европе, но и в Америке. И многие страны, такие как Франция, Германия, Великобритания задумываются о том, каким образом христианская и исламская культуры будут взаимодействовать. В то же время многие задаются вопросом, каким образом ислам будет взаимодействовать с демократией, поскольку многие мусульмане, которые едут в Европу, несут иные традиции.

И в данном случае как раз джадидизм помогает решить эту проблему, поскольку джадиды с самого начала соединили идеи либерализма, демократии с исламскими традициями и дали такой образец, который сегодня можно назвать евроисламом. Они сознательно ориентировались на Запад, на взаимодействие с культурой Запада, что сегодня является весьма актуальным и интересным.

Здесь было бы целесообразным, мне кажется, когда мы говорим о программе «Ислам в XXI в.», иметь в виду не только исламоведов России, но и исламоведов мира в целом, тех исламоведов, которые занимаются изучением реформаторства в исламе. Нелишне будет напомнить слова пророка Мухаммеда, который говорил, что каждые 100 лет Ислам должен реформироваться. Тема модернизации ислама в новых условиях, приспособление его к вызову XXI века для многих исламоведов является весьма важной.

Существует также практическая необходимость в подготовке имамов. К сожалению, в России последние 10 лет все имамы готовились где-то на стороне в различных странах, и они зачастую несут традиции тех культур, в которых преподавался ислам. Зачастую это не столько ислам, сколько национальные традиции той или иной страны, возведенные в ранг ислама, что привносится в нашу среду. Очень важно создать учебные заведения, в которых бы опирались на наши традиции

джадидизма, российские традиции развития ислама и тогда многие политические проблемы были бы сняты через подготовку кадров, знающих наши традиции, наш менталитет и наши ценности.

В Институте истории АН Татарстана уже создан Центр исламских исследований, и я думаю, что он мог бы стать отправной точкой для разработки программы "Ислам в XXI в."

Отчетный доклад о работе Общества востоковедов при Российской Академии наук за 1998 - 1999 гг.

С момента своего создания Российское общество востоковедов имело неоднократно прерывавшуюся линию жизни. Дату своего создания оно отсчитывает от приказа, подписанного Министром финансов С.Ю. Витте 29 февраля 1900 г. “Об утверждении Устава Российского Общества Востоковедения” с центральным управлением в Петербурге и с отделениями в других городах. Таким образом, в начале марта следующего года мы будем отмечать столетие Российского общества востоковедов.

Целью Общества в Уставе определялось “взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью: устройство выставок, лекций, курсов, библиотек, экспедиций, издание работ”. В Петербурге в составе Общества были учреждены три отдела: торгово-промышленный, образовательный, научно-культурный. Председателем последнего был назначен востоковед-монголист и тибетолог А.М. Позднеев.

Следующей важной вехой стал изданный 10 февраля 1910 г Указ Николая II “О присвоении Российскому Обществу Востоковедения названия *Императорского*”

За короткий отрезок времени были созданы многие региональные отделения Российского Императорского Общества Востоковедения:

- 1901 г. (29.V) - утверждение постановления учредительного собрания об открытии *Ташкентского отделения ОВ*. Утверждено приказом Министра финансов С.Ю. Витте.
- 1901 г. - открытие *Бухарского отделения ОВ* при финансовом обеспечении со стороны Почетного члена ОВ - бухарского эмира.
(После перерыва, деятельность отделения возобновилась с 19.XI.1911 г.)
- 1903 г.(IX) - сохранилась документация о деятельности *Асхабадского отделения ОВ*.
- 1909 г. (28.X) - открытие *Практической восточной академии при ОВ* в Петербурге. Утверждено приказом Министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева.
- 1908 г. (21.VI) - создание *Общества востоковедения* в Харбине. С 12.X.1908 г. утверждено новое название - *Общество русских ориенталистов*.
- 1910 г. (12.I.) - указ Николая II об утверждении устава *Общества русских ориенталистов* в Петербурге. Учреждены три секции: Дальнего Востока, Среднего Востока и Ближнего Востока.
- 1910 (9.IV) - указ Николая II о выделении средств на постройку здания для *Общества русских ориенталистов* в Харбине.
- 1910 г. (29.V) - Указ Николая II о выделении в течение пяти лет ежегодного пособия для *Практической восточной академии при ОВ*.
- 1911 г. (3.III) - указ Николая II о “принятии” великой княгиней Милицей Николаевной звания “почетной председательницы” *Общества русских ориенталистов* в Петербурге.
- 1912 г.(30.I) - открытие *Приамурского отдела ОВ* в Хабаровске. Утверждено приказом Министра торговли и промышленности С.И. Тимашева.
- 1913 г. (08.V) - открытие *Степного отдела ОВ* в Омске. Утверждено приказом Министра торговли и промышленности С.И. Тимашева.
- 1915 г. (12-18.V) - утверждение *Японского отдела ОВ* и его печатного органа “Труды Японского отдела Императорского Общества востоковедения”. Утверждено постановлением “Чрезвычайного Общего собрания ОВ”.

- 1915 г. (10.XII) - Указ Николая II о “принятии” императрицей Александрой Федоровной звания президента *Практической восточной академии при ОВ.*
- В период с 1904 по 1912 гг. были открыты также отделения ОВ в Благовещенске, Одессе, Тифлисе.
- В 1918 г. Общество и его отделения были распущены.¹

В 20-е гг. предпринимались попытки возродить Общество востоковедения, но оно просуществовало весьма короткий промежуток времени.

* * *

Постановлением Президиума АН СССР от 28 июня 1979 г. создана Всесоюзная Ассоциация Востоковедов АН СССР.

9 октября 1980 г. по инициативе директора Института востоковедения АН СССР, академика Е.М. Примакова, было проведено собрание представителей более чем 70 научных и учебных заведений, ведомств, издательств, журналов, музеев СССР при Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, на котором были утверждены Президиум и структура Всесоюзной Ассоциации Востоковедов.

В ее состав вошли 11 отделений в республиках, 8 региональных групп, коллективными членами стали 39 научных, высших учебных и культурно-просветительных учреждений, число индивидуальных членов составило более 2000 человек.

Одна из основных задач ассоциации, определенных уставом – представлять отечественное востоковедение в международных востоковедных организациях. В определенной степени эта задача выполнялась через Международный Союз по восточным и азиатским исследованиям, центр которого находится в Париже.

С 1983 г. Президиум ассоциации регулярно формирует делегации, которые участвуют в Международных конгрессах

¹ Подборка выполнена по изданию: Куликова А.М. Востоковедение в Российских законодательных актах (конец XVIII в. – 1917 г.). – СПб., 1994. – С. 162-168.

востоковедов в Токио, Гамбурге, Гонконге, Будапеште. Одновременно собственно ассоциацией проводились всесоюзные конференции востоковедов в Баку, Душанбе, Махачкале. В этот период тематическая работа проводилась специальными секциями, которые устраивали конференции, издавали труды, организовывали выставки.

Последняя конференция в Махачкале проходила осенью 1991 г. и почти совпала по времени с политическими изменениями в стране.

* * *

В 1993 г. Президиумом Российской Академии наук принято постановление, согласно которому восстанавливалась традиция, и правопреемником Всесоюзной Ассоциации Востоковедов АН СССР становилось Общество востоковедов при РАН, которое внесено в состав организаций Российской Академии наук, зарегистрировано в составе РАН с присвоением регистрационного номера, правом юридического лица, печатью и штампом.

Однако объективно сложившаяся ситуация повлекла за собой очень трудный для ОВ РАН период. Тем не менее, удалось сохранить позиции российских востоковедов в международных организациях и прежде всего в МСВАИ и ИКАНАС. Более 150 ученых приняли участие в международном конгрессе востоковедов в Будапеште. И, можно сказать, что это масштабное мероприятие показало очевидную необходимость и стало стимулом для восстановления общественной организации, объединяющей востоковедов страны.

Через несколько месяцев после Конгресса в Будапеште в октябре 1997 г., по инициативе Общества востоковедов, Института востоковедения РАН и Калмыцкого Института Гуманитарных исследований в Элисте состоялся Первый всероссийский организационно-научный съезд востоковедов.

На съезде был принят отчет о работе ОВ РАН за период, прошедший с последней Всесоюзной конференции востоковедов. Были внесены изменения в Устав и структуру общества.

Была утверждена сменяемость президента через каждые два года. Президиум ОВ РАН был преобразован в Совет координаторов, в котором представлены все региональные отделения и крупнейшие востоковедческие учреждения.

Почетным президентом Общества востоковедов был избран академик Е.М. Примаков.

На двухлетний период, который истекает в эти дни, был намечен ряд мероприятий, которые были утверждены решениями Первого съезда.

Прежде всего, было подтверждено членство востоковедов РФ в Международном Союзе востоковедов, и Институтом востоковедения РАН была погашена общая валютная задолженность по членским взносам.

Общество востоковедов приняло участие в подготовке и проведении юбилейных научных мероприятий, связанных со 180-летием Института востоковедения РАН, отмечавшегося в прошлом году. Был выпущен специальный бюллетень и проведено заседание, где были заслушаны научные доклады.

Информация о решениях Первого всероссийского съезда востоковедов была опубликована в первом выпуске Бюллетеня ОВ РАН, который начал издаваться в соответствии с решениями съезда. Второй выпуск частично составили также материалы съезда в Элисте, где специальная секция была посвящена исследованиям калмыцкого эпоса “Джангар”. Тем самым можно сказать, что решение о выпуске ежегодного бюллетеня ОВ РАН выполнено.

В связи с принятым решением о развитии электронных коммуникаций в отрасли и проведении конференций на эту тему, было продолжено издание серии сборников “Базы данных по истории Евразии”, которые составлены по материалам двух международных конференций. Проведенная Обществом востоковедов в июне 1998 г. в Звенигороде Международная конференция “Исторические источники Евразийских и североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы” собрала более 120 ученых из востоковедческих центров Москвы,

С.Петербурга, Татарстана, Калмыкии, Бурятии, Якутии, Тувы, Дагестана, Владивостока, Новосибирска, Кемерово, Барнаула, Таджикистана, Узбекистана, Болгарии, Хорватии, Венгрии, Турции, США, Канады, Мексики. Материалы конференции полностью опубликованы.

На конференции было принято решение проводить их в дальнейшем, конкретизировав темы и регионы исследуемых источников. И таким образом, в этом году серия была продолжена Международной конференцией по “Компьютерным исследованиям монгольских и тибетских источников”. Конференция прошла в июле в Сергиевом Посаде, участие приняло более 50 ученых из востоковедческих центров РФ, Монголии, США, КНР, Тайваня, Венгрии. Материалы конференции готовятся к публикации.

Следует отметить вообще более активное участие Общества востоковедов в течение истекших двух лет в подготовке и проведении научных конференций.

Татарстанское отделение ОВ РАН при поддержке городской администрации участвовало в проведении Международной конференции по истории Золотой Орды, в Международном симпозиуме по истории г. Казани и городов Поволжья.

Событием для научной жизни отрасли в целом стала конференция, посвященная истории востоковедения в Казани, традиции и научным школам, составившим важный вклад в мировую науку. Надо отметить, что в ходе подготовки и проведения конференций между Казанским Гос. Университетом и Обществом востоковедов были установлены тесное взаимодействие и сотрудничество, которые имеют и перспективу на будущее.

В сентябре этого года в Феодосии Обществом востоковедов в сотрудничестве с рядом других научных и практических организаций была проведена VIII научная конференция “Человек и природа. Проблемы социо-естественной истории”. Материалы конференции готовятся к публикации.

Проводится подготовка к очередной конференции “Рериховские чтения”, которая состоится в ноябре этого года.

Продолжали развиваться международные контакты ОВ РАН. В качестве национального объединения востоковедов РФ ее представители были приглашены в Лейден на конференцию и совещание европейских востоковедческих ассоциаций ИИАС в 1998 г., где обсуждался также вопрос о проведении в будущем в Москве Всемирного конгресса востоковедов.

Представители Общества востоковедов приняли участие в конференциях по проекту ЮНЕСКО “Караван-сарай”, которые прошли в Тегеране, Езде и Исфахане в декабре 1998 г. Проект будет иметь продолжение, и Общество востоковедов РАН заявлено как участник проекта.

По предложению, поступившему в Общество востоковедов РАН от МИД Турции, Музейной комиссией ОВ РАН подготовлен проспект выставки “По следам древних тюрков” и репертуар экспонатов из 12 российских региональных музеев. После землетрясения вопрос о дате выставки остается открытым. Этой же комиссией в период проведения Международной конференции ПИАК в Праге в этом году были подготовлены научные фотовыставки, составленные по уникальным материалам российских архивов. Особенный интерес вызвали материалы, связанные с раскопками конца прошлого века на территории Крыма, Поволжья и Северного Кавказа. Выставка была размещена в Российском Центре науки и культуры в Праге и пользовалась большим успехом.

По просьбе Оргкомитета Постоянной Международной конференции ПИАК в этом году Общество востоковедов взяло на себя роль координатора при формировании российской делегации, которую составили около 40 российских ученых.

* * *

Архивной комиссией ОВ РАН в отчетный период стал издаваться журнал “Восточный архив”, три выпуска которого увидели свет и сразу же получили признание читателей. Ар-

живная комиссия стала одним из участников совместного с Академией наук Туркменистана и Институтом востоковедения РАН проекта по подготовке тематического справочника-каталога архивных документов по истории туркмен. Комиссией начата подготовка к проведению всероссийской конференции по архивному востоковедению.

В 1999 г. под эгидой Общества востоковедов впервые начала свою деятельность Библиотечная комиссия, желательность создания которой была записана в документах Первого съезда. Инициатива принадлежит Отделу восточной литературы РГБ, где готовится издание специального журнала, проводятся выставки редких книг и рукописей на восточных языках. Ближайшая намеченная выставка будет связана с 700-летием образования Османского государства. Она несколько откладывается, но состоится до конца этого года.

В соответствии с решениями Первого съезда, на базе Калмыцкого Института гуманитарных исследований при участии Института востоковедения РАН создан Научный монголоведческий центр. Совместно с научными и высшими учебными учреждениями Калмыкии, созданный Центр и Общество востоковедов приняли участие в подготовке и проведении научных мероприятий, связанных с 400-летием создания ойратской письменности “Ясное письмо” и 390-летием вхождения Калмыкии в состав России.

Наиболее активные международные контакты имели место в области электронных коммуникаций Общества востоковедов, которые стали особенно интенсивными после создания на базе Института востоковедения РАН, при поддержке РФФИ, Евроазиатского востоковедческого сервера EAOS. Анализ сервера и экспертная оценка его материалов проводились на совещаниях Ассоциации востоковедческих серверов в сети Интернет в Тайбэе в январе 1999 г. и в Бостоне в марте 1999 г.

Создание сервера и наполнение его справочной информацией также выполняется в соответствии с рекомендациями и решениями Первого съезда.

Создана и пополняется база данных востоковедческих научно-исследовательских, высших учебных и культурно-просветительных учреждений. Готовится электронное издание этого справочника.

Также на основании рекомендаций Первого съезда, осуществляется подключение востоковедческих учреждений к созданному серверу EAOS (<http://www.orient.ru>) в качестве равноправных корреспондентов-фондообразователей. Подключены НИИ Бурятии, Татарстана, С. Петербурга, Калмыкии. Проводятся соответствующие консультации по определению ресурсов и условиям участия. По просьбе Академии наук Болгарии в ноябре к российскому востоковедческому серверу будут подключены Институты истории и балканистики БАН и с ними будет установлена постоянная сетевая связь.

Таким образом, можно сказать, что решения Первого Всероссийского организационно-научного съезда востоковедов были приняты к исполнению Советом координаторов и руководством ОВ РАН. Причем можно отметить конкретное выполнение большинства записанных решений.

Конечно, нельзя сказать, что вся работа ведется удовлетворительно. До сих пор остается не полностью решенным вопрос юридического оформления Общества востоковедов. Поскольку Общество создано не при каком-либо Отделении РАН, а при Президиуме, возникает особая ситуация, которая до сих пор обдумывается Юридическим отделом РАН.

Возникают сложности с членскими взносами, которые нельзя собирать, не имея собственного расчетного счета. То же – с финансированием ряда проектов, на которые можно было бы получить деньги из отечественных и зарубежных исследовательских фондов, но сейчас это оказывается возможным лишь опосредованно, через другие учреждения. А это сводит

на нет финансовые льготы, существующие для общественных организаций.

Но не стоит полагать, что ситуация полностью тупиковая. Вопрос крайне медленно, но все-таки решается, и мы не теряем надежду.

Сейчас перед Обществом востоковедов стоит стратегическая задача создания единого информационного пространства, в котором могли бы профессионально общаться наши российские коллеги. Развитие этой сети позволит во многом устранить провинциальность в науке, поскольку для любого пользователя востоковедческим сервером окажутся доступными как библиотечные, источниковедческие ресурсы, так и исследовательские площадки. Эта программа получила поддержку, с первыми результатами мы могли познакомиться здесь на съезде. Теперь необходимо одновременно наполнять сервер и создавать сеть, оснащая востоковедческие центры техникой и консультируя их.

На следующий год Обществу востоковедов предстоит формировать делегацию на Всемирный конгресс в Монреаль. Конечно это большие расходы. Но мы предлагаем объявить конкурс заявок на участие, по результатам которого будут отобраны лучшие работы и проекты. Мы будем стараться изыскать средства на поездку только авторов наиболее значимых и интересных исследований, но одновременно сможем издать и другие присланные материалы для ознакомления зарубежных коллег, устроив презентацию современных отечественных востоковедческих исследований во время конгресса. Об этом проведены предварительные переговоры с организаторами.

Хочу еще раз сказать о том, что в будущем году исполняется и столетие нашего общества. Нам предстоит избрать нового президента, которому предстоит взять на себя хлопоты, связанные с этой датой. Но считаю, что нашим долгом будет - оказать ему максимальное содействие и помощь.

Мы благодарим за то доверие, которое было нам оказано два года назад. Мы старались, насколько это было возможно в нынешних условиях, активизировать взаимодействие и сотрудничество коллег-востоковедов, и очень надеемся, что наши усилия не пропали даром.

Спасибо за внимание.

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов.

Выпуск 4

**Материалы II Всероссийского съезда востоковедов
Казань, 18 – 22 октября 1999 г.**

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 03.01.00. Подписано в печать 29.02.00.

Формат 60х84 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 8.5. Уч.-изд. л. 7.5.

Тираж 150 экз. Заказ 34

Институт востоковедения РАН

103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Редакционно-издательский отдел

Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

121019 Москва, ул. Знаменка, 12